

Мрачная история

Автор:

[Евгений ЧеширКо](#)

Мрачная история

Евгений ЧеширКо

Одобрено Рунетом

Абитуриент Мрак проваливает экзамены в Школу волшебства, студентка Марта вылетает из Школы воинов, а ученый Карт ищет желающих поступить в Училище вурдалаков, что в Лёдсбурге – городе, в котором самым жарким летом холодно как лютой зимой.

С кем встретятся герои по пути в Лёдсбург? Что едят в таверне «У»? Что ежегодно празднуют в Деревне Полуживых? Кто живет у Гнилого болота и наводит страх на жителей ближайших деревень?

«Мрачная история» от Евгения ЧеширКо, автора знаменитого «Дневника Домового».

Евгений ЧеширКо

Мрачная история

© Евгений ЧеширКо, текст, 2019

© Юлия Межова, иллюстрации, 2019

Профессор кафедры прикладной магии восседал на громоздком дубовом стуле, издали напоминавшем королевский трон диктатора маленького, но очень воинственного государства. При каждом неаккуратном движении профессора стул издавал жалобный скрип, как будто опасаясь того, что его хозяин сейчас поднимется на ноги и объявит какому-нибудь маленькому, но очень мирному государству войну. Но хозяин стула не собирался этого делать. Он был занят разглядыванием и изучением очередного абитуриента, желающего попасть в списки зачисленных студентов Стрижгородской Высшей школы волшебства. Молодой человек как раз закончил подготовку и сейчас стоял перед профессором, нервно теребя пальцами лист с ответами.

– Вы уже готовы отвечать? – спросил профессор и погладил себя по обязательному атрибуту всех специалистов в области волшебства – длинной седой бороде.

– Готов, – кивнул абитуриент и бросил на профессора слегка испуганный взгляд исподлобья.

– Хорошо. Прочтите, пожалуйста, первый вопрос вашего билета.

Парень вздохнул и расправил скомканный лист.

– «Три закона волшебства. Применение их на практике», – прочитал он вслух мрачным голосом.

– Замечательно. С них и начнем. – Волшебник откинулся на спинку своего трона. – Итак, я вас слушаю. Первый закон волшебства.

Парень снова вздохнул и смахнул со лба капельки пота, выступившие на нем от напряжения, вызванного мыслительным процессом в его голове.

– Первый закон волшебства говорит о том, что...

– Говорят торговки на базаре, – нахмурился профессор, – а закон, на секундочку, гласит!

Абитуриент поджал губы и снова как-то недобро посмотрел на волшебника:

– Первый закон волшебства гласит о том, что...

– Не нужно говорить «о том, что», – тяжело вздохнул экзаменатор. – Закон гласит. Точка, небольшая пауза, и уже после нее вы должны передать его суть. Понятно? Продолжайте.

Молодой человек удивленно вскинул брови, но решил не спорить с профессором о законах языка и, пожав плечами, продолжил.

– Первый закон волшебства гласит. Волшебство нельзя использовать ради того, чтобы... – парень замялся, подбирая слова. – Ну, чтобы наживаться на нем... Выгоду получать оттого, что его используешь. В общем, нельзя применять его на практике ради своих интересов.

Волшебник медленно поднялся на ноги и, заложив руки за спину, подошел к витражному окну, из которого открывался замечательный вид на Стрижгород. В хорошую погоду отсюда можно было увидеть даже русло Тёмной реки и место ее впадения в Мокрое озеро, но сейчас профессора совсем не радовал этот пейзаж.

– Это какое-то издевательство, – тихо прошептал он себе под нос и, повернувшись спиной к окну, посмотрел на парня. – Что вы там бормочете? Молодой человек, три закона волшебства – это основа нашей чудесной науки! Как можно не знать таких вещей? Да они должны у вас от зубов отскакивать, а вы стоите здесь и мычите.

– А что я не так сказал? – нахмурился абитуриент. – Я просто объяснил этот закон своими словами.

– Своими словами вы будете девушкам в любви признаваться, а это закон! Он не допускает вольностей формулировки.

Волшебник сложил руки на груди так, как будто хотел обнять самого себя. Те люди, которые имели честь знать профессора лично, сразу бы почуяли неладное и сообразили, что это красноречивое движение может означать только одно: сейчас грянет буря. Но парень не был знаком ни с профессором, ни с его языком жестов, поэтому пока еще не чувствовал, что над ним уже сгустились грозовые тучи. Даже остальные абитуриенты отвлеклись от подготовки и с огромным интересом наблюдали за этим противостоянием.

– По-моему, смысл я передал правильно, – пожал плечами молодой человек и переступил с ноги на ногу.

– Это нонсенс, – изумленно покачал головой волшебник, – это просто какое-то недоразумение... Может быть, вы хотите со мной поспорить, молодой человек? Или вы думаете, что наши великие умы формулировали эти законы для того, чтобы какой-то мальчик поставил их под сомнение?

– Да ничего я не думаю...

– Вот именно! – покачал головой волшебник, но, заметив, как покраснели щеки абитуриента, немного смягчил тон. – Хорошо, пока оставим этот закон и перейдем ко второму. Итак, второй закон волшебства.

– Второй закон, – повторил абитуриент и заглянул в свой подготовительный лист, – второй закон волшебства гласит. Когда используешь...

– При сотворении, – тут же поправил его профессор.

– При сотворении волшебства нельзя...

– Не допускается.

– Да, не допускается. При сотворении волшебства не допускается и запрещено...

– Категорически запрещено.

– Да чтоб тебя... – буркнул себе под нос парень, но, на его счастье, волшебник этого не услышал. – При сотворении волшебства не допускается и категорически

запрещено причинение вреда кому бы то ни было.

- Если только, - кивнул профессор.

- Если только волшебство не сотворено в целях самообороны.

- Или в случае...

- Или в случае, когда волшебнику угрожает какая-то...

- Не какая-то, а в случае непосредственной угрозы жизни, - закончил формулировку профессор.

- Да, - согласился парень, за что тут же был награжден пристальным взглядом из-под седых бровей.

Казалось, профессор начал успокаиваться. Он снова занял свое место на троне, и даже его глаз перестал подергиваться.

- Переходите к следующему закону.

- Третий закон самый простой, и он гласит, что волшебство существует.

- Неужели хотя бы один закон вы смогли сформулировать без моей помощи? - вздохнул профессор и задумчиво взглянул на парня. - Скажите мне, как вы сами оцениваете свой ответ? Можете ли вы сказать, что сдали экзамен?

- Могу, - уверенно произнес тот, - я знаю все эти законы, просто не очень понимаю - зачем их зубрить наизусть, если можно объяснить своими словами. Разве главное в этом деле - хорошая память? Я всегда думал, что самое важное в волшебстве - это понимание сути, а не точные формулировки.

- Что вы говорите?! - Брови профессора снова поползли вверх. - Вы действительно так думаете?

- Конечно.

– Что ж, давайте проведем эксперимент. Я попрошу вас подойти ко мне.

Пока парень нерешительно шагал к профессору, тот, запустив руку в свой чемодан, который стоял у ножки стула, достал из него небольшую шкатулку. Опустив ее на край стола, он снял крышку и одним пальцем подвинул ее вперед.

– В шкатулке, как вы можете видеть, находится нейтральное зелье. Вы знаете, для чего оно предназначено?

– Конечно, знаю, – усмехнулся абитуриент. – Это зелье свободно от заклятия. Чтобы его использовать, нужно произнести заклинание, и тогда оно станет активным. Но насколько мне известно, эффект от нейтрального зелья всегда будет гораздо меньше, чем от того зелья, которое изначально варилось под определенное заклинание. Основным преимуществом нейтрозелья является то, что его можно довести до состояния порошка и при этом оно не потеряет своих свойств. Поэтому его можно носить даже в кармане.

– Похвально, – одобрительно кивнул профессор. – Я вижу, что в практических вопросах вы разбираетесь гораздо лучше, чем в теории, но вернемся к вашему опрометчивому утверждению. Я предлагаю вам взять щепоть нейтрозелья и сотворить волшебство, но... – он сделал многозначительную паузу, – заклятие вы должны прочитать своими словами, не используя точных формулировок. Если вы сможете это сделать, я сию минуту выдам вам зеленый плащ первокурсника.

Парень склонился над столом и, не стесняясь, зачерпнул из шкатулки целую пригоршню нейтрозелья.

– Молодой человек, вы собираетесь превратить Стрижгород в пыль? Будьте скромнее, для этого задания достаточно одной щепоти.

За спиной парня послышался смех. Он обернулся и, обведя всех угрюмым взглядом, протянул руку к шкатулке. Отсыпав лишнее зелье, он посмотрел на профессора.

– Какое волшебство нужно сотворить?

– Ну, пусть это будет что-нибудь из области перемещений в пространстве. Это самое простое.

Он снова запустил руку в свой чемодан и через мгновение протянул парню зеленое яблоко.

– Переместите этот плод на подоконник. Этого будет достаточно.

Парень взял в одну ладонь яблоко, а другую, немного отведя ее за спину, приготовил к выбросу нейтрозелья. Закрыв глаза, он сосредоточился на заклинании, еле заметно шевеля губами. Несколько секунд прошли в ожидании. Профессор, скрестив руки на груди, внимательно наблюдал за действиями абитуриента. Наконец тот, собравшись с духом, подкинул яблоко вверх и, взмахнув рукой, отправил щепоть нейтрозелья ему вдогонку.

– Я говорю! Яблоко отправляется на подоконник! – выкрикнул он, добавив к своей фразе несколько слов из учебника по волшебству, без которых заклятие не сработало бы. Впрочем, оно и не сработало. Яблоко, достигнув высшей точки и на мгновение замерев в ней, по дуге стало опускаться вниз и через секунду с глухим звуком приземлилось точно на голову профессора. Но самым страшным было то, что от удара тщательно приглаженные волосы на макушке профессора вдруг оторвались от его головы и мягко опустились на пол, явив свету и всем собравшимся блестящую лысину, которую он уже несколько лет прикрывал париком, скрывая этот досадный дефект от общественности.

Наступила такая звенящая тишина, что было слышно, как невесомые крупинки зелья опускаются на пол. Профессор побагровел, но каким-то чудом сумел удержать себя в руках. Выдохнув, он медленно поднял с пола парик и, торжественно водрузив его на свое законное место, посмотрел на побледневшего абитуриента.

– Как видите, молодой человек, я оказался прав, – как ни в чем не бывало заговорил он. – Вы поменяли местами всего два слова в заклинании, и это привело к совершенно неверному и плачевному результату.

Он захлопнул шкатулку и, положив локти на стол, погладил свою бороду.

– Я знаю ваших родителей, молодой человек, – понизив голос, произнес он, – и только из уважения к ним я не вышвырну вас с экзамена, а дам еще один шанс. Вам нужно ответить на простой логический вопрос. От вашего ответа будет зависеть ваша судьба. Готовы?

Парень кивнул.

– Тогда слушайте внимательно.

Профессор поднялся из-за стола и, выждав театральную паузу, задал решающий вопрос, артистично раскинув руки в стороны.

– Что не подвластно ни одному волшебнику в мире?

После этих слов он снова скрестил руки на груди и замер в ожидании. Абитуриент переступил с ноги на ногу и задумчиво почесал подбородок.

– Любовь? – неуверенно предположил он.

– Приворотное зелье, – парировал волшебник. – Еще?

– Уважение?

– Заклинание желудочного расстройства.

– Ум?

– Для этого не нужно даже быть волшебником, – улыбнулся профессор. – Книги и хорошие учителя подарят вам его безвозмездно.

Парень нахмурился и засопел. Ему казалось, что ответ лежит где-то совсем рядом, на самой поверхности, но то, что он никак не мог до него добраться, очень злило его и раздражало.

– Я не знаю, – опустив взгляд в пол, пожал он плечами.

Казалось, что волшебник ждал именно этого ответа. Удовлетворенно кивнув, он набрал в легкие воздуха и начал свою обличительную отповедь.

– Молодой человек, – как хищный зверь перед броском, волшебник склонился над столом, опершись на него кулаками, – как вы собирались поступить в Высшую школу волшебства, – на этих словах длинный указательный палец старого волшебника взмыл вверх, словно пытаясь дотянуться до потолка аудитории и, очевидно, символизируя всю значимость и величие этого легендарного учебного заведения, – если вы не знаете элементарных вещей, не имеете ни малейшего представления об основах этой великой науки, на которых зиждется все естество нашего прекрасного мира, который в свою очередь...

– Зиждется, – негромко повторил парень незнакомое слово и попытался сдержать улыбку, но уголок рта предательски потянулся вверх.

Такого отношения к науке профессор потерпеть не мог. Тысячи молний вспыхнули в его глазах, гладко приглаженная борода в одно мгновение распушилась, как хвост напуганной кошки; костяшки кулаков побелели от напряжения, а подбородок затрясся в приступе праведного гнева. Если бы применение волшебства не было строго регламентировано Кодексом магии, он бы сию секунду обратил этого невоспитанного гадкого мальчишку в тарелку борща или, на худой конец, в рулон зеленых обоев.

– Непозволительная наглость, – прошептал он так, что спины абитуриентов из первых рядов моментально покрылись холодным потом.

– Послушайте, профессор. Кажется, я знаю, что неподвластно ни одному волшебнику, – глядя прямо в глаза экзаменатора, произнес парень, который уже понял, что терять ему нечего.

– Это твой последний шанс, – профессор неожиданно перешел на ты. – Говори.

– Ну, волосы же, – улыбнулся абитуриент. – По крайней мере ваша лысина точно не подвластна никакому волшебству, раз уж вам приходится прикрывать ее париком.

– Пошел... Пошел вон, – собрав все свое самообладание в кулак, процедил профессор сквозь сжатые зубы и указал парню на дверь.

– Зиждется, – хмыкнул тот, пожал плечами и направился к выходу.

Экзамен в Высшую школу волшебства был провален.

2

Неудачливого абитуриента из деревни со странным названием Глубины звали Мраком. Именно звали, потому как никто, кроме его родителей, уже и не помнил его настоящего имени. Высокий и худощавый, светловолосый, вечно угрюмый, необщительный и хмурый парень с цепким взглядом серых глаз исподлобья не дружил даже со своими сверстниками. Его старались обходить стороной, не звали на вечерние посиделки у костра, не приглашали в гости, да и вообще не особо интересовались его жизнью.

Некоторые люди думают, что если человек неохотно разговаривает и мало улыбается, то у этого человека случилось горе или какая-нибудь беда. Едва заметив такого «страдальца» на горизонте, самые участливые тут же бегут его успокаивать и всячески морально поддерживать, чем только усугубляют положение. Человек от такого внимания становится только мрачнее. Он уже мысленно проклял себя два, а то и три раза за то, что оказался не в то время, не в том месте, а сочувствующие все никак не угомонятся в своих попытках его пожалеть. Такой персонаж обычно уходит с вечеринок раньше всех, стараясь сделать это как можно незаметнее. Но если внимательно понаблюдать за ним, то можно заметить, что чем дальше он оказывается от веселящихся, тем спокойнее становятся черты его лица, расправляются плечи, исчезают морщины, а на лице появляется довольная улыбка. К примеру, в обществе оборотней существ с таким складом характера кличут волконравами, домовые пренебрежительно называют их чуланниками, а лешие – дупляками. Люди же придумали непонятное слово «интроверт», но в деревне, в которой жил Мрак, он был единственным человеком с таким странным складом характера, поэтому его односельчанам не пришлось выдумывать новый термин. Вместо этого они прозвали его Мраком, да на том и успокоились.

Мрак окончил деревенскую школу год назад. В то время как его одноклассники уже поступили в самые разные учебные заведения и успешно заканчивали

первый курс, он все никак не мог выбраться из дома своих родителей. Всею виной, как ни странно, была его легендарная родословная. Просто небеса распорядились так, что человек, который начинает безудержно чихать от одного только вида толстенных пыльных книг в кожаных переплетах, заикаться при попытке произнести самое примитивное охранное заклинание для защиты от мух и использует волшебные палочки исключительно в качестве зубочисток, непременно должен был родиться в семье, которая до седьмого колена состояла из магов и волшебников. Мрака буквально тошнило от вида всех этих дурно пахнущих зелий, хрустальных шаров, резных посохов и прочих волшебных принадлежностей, но родители настаивали на продолжении славной династии и категорически не воспринимали любые доводы Мрака о том, что, кроме магов, в мире существует множество других профессий и не менее важных и нужных ремесел. Поэтому круглый год он занимался тем, что по указке родителей обивал пороги всех высших учебных волшебных заведений в близлежащих городах, пытаясь поступить хоть в одно из них, но все безрезультатно. И если раньше ему просто сообщали, что его знания в области основ волшебства недостаточны для зачисления на курс, и предлагали прийти на следующий год, чтобы попробовать снова, то сегодня случилось нечто совсем уж неординарное. Его с позором выгнали со вступительных экзаменов в легендарную Высшую школу волшебства в старинном городке Стрижгороде, находящемся в трех часах ходьбы от его родных Глубин, куда сейчас и направлялся Мрак, раздумывая на ходу о том, какие испытания его ждут дома, когда родители узнают об этом, крайне унижительном для всей их достославной семьи, факте.

– Вряд ли они меня проклянут, я же все-таки их сын, – пытался приободрить себя Мрак. – Но ведь могут в наказание и обратить на пару дней в какого-нибудь... – он ненадолго задумался, – в хомяка, например.

Мрак представил себя в теле хомяка, и это ему не понравилось.

– Или в утку. Вот будет номер...

Тело утки не понравилось ему еще больше. У хомяка хотя бы имелись в наличии две пары лап. Утка же довольствовалась только одной парой, что, безусловно, было огромным минусом.

– А если зачесется спина, что тогда делать? Ни разу не видел, чтобы утка чесала спину. Может быть, она у них и не чешется совсем? – размышлял Мрак. – Да нет, точно чешется. Надо тогда сразу подумать о том, как я буду с этим справляться. Лапой вряд ли достану, от крыльев тоже мало толку. Придется чесать обо что-нибудь. О дерево, например. Кстати, о деревьях...

Мрак, увлекшись рассуждениями о своей судьбе, сам не заметил, как вышел из города и уже шагал по хорошо утрамбованной проселочной дороге, по которой он утром и пришел в Стрижгород. Остановившись и взглянув на клонящееся к закату солнце, Мрак понял, что до темноты до дома ему уже не добраться. Не то чтобы это было очень страшно – нежить и люди в этих южных краях вполне сносно сосуществовали, не причиняя друг другу особых неудобств, – но все же неожиданная встреча с развеселой компанией скучающих оборотней или каким-нибудь вечно недовольным злыднем не сулила ничего хорошего. Поразмыслив, Мрак решил, что гораздо лучше будет, если он пойдет домой не по дороге, а срежет путь через лес, чем сократит время своего путешествия не меньше, чем на час. Конечно же, в лесу вероятность встречи с нежитью возрастала, но он знал, что до темноты они стараются не покидать своих укрытий без крайней необходимости. Еще раз прикинув время и расстояние до дома, Мрак шагнул в тень деревьев, зеленым куполом ограждавших его от предзакатного, но все еще жаркого летнего солнца.

– С уткой вроде бы разобрался, – продолжил он свои грустные рассуждения, – а если в барана или, еще хуже, в канделябр? Вот канделябром совсем не хочется быть – ни тебе рук, ни тебе ног, даже глаз нет.

Мрак представил, как тяжело быть канделябром. Стоишь себе целыми сутками на одном месте, слепой как крот и глухой как пень. Изредка чувствуешь, как капает на твою медную кожу раскаленный воск. Должно быть, самое невероятное и незабываемое развлечение для канделябра – упасть с подоконника на пол.

– Да уж, – хмыкнул Мрак, – быть канделябром – то еще наказание. А что, если они меня превратят... Ой!

Мрачные рассуждения прервала коряга, за которую Мрак зацепился ступней, растянувшись во весь рост на земле и уткнувшись носом в мягкий ковер из прошлогодних листьев. Листья пахли землей, сыростью и гнилью. Поднявшись на ноги, он отряхнулся и сделал пару шагов назад, чтобы рассмотреть, что

именно стало причиной его падения. Никакой коряги там не было, а вместо нее в двух шагах от ствола старого дуба, прямо из земли, торчала самая обыкновенная, чуть более красноватая, чем обычно, и оживленно жестикулирующая человеческая рука. Она то поднимала вверх большой палец, как бы выражая радость оттого, что хоть кто-то обратил на нее внимание, то опускала вниз указательный, словно пытаясь сообщить, что у обладателя руки возникли какие-то непредвиденные проблемы, то сжималась в кулак, всем своим видом давая понять, что если Мрак ей не поможет, то его могут ожидать серьезные неприятности.

Несмотря на свой мрачный и нелюдимый нрав, Мрак не был эгоистом и всегда был готов прийти на помощь любому человеку, попавшему в беду. Другое дело, что за этой помощью к нему никто особо и не обращался, поэтому у него не было возможности продемонстрировать хоть кому-то все положительные стороны своего характера. Сейчас же этот шанс представился ему как нельзя кстати.

Ни на миг не усомнившись в целесообразности своего поступка, Мрак ухватился за ладонь двумя руками и, широко расставив ноги, потянул ее вверх. Несмотря на его усилия, обладатель руки не спешил появляться на поверхности. Отпустив ладонь, Мрак осмотрелся по сторонам в поисках какого-нибудь предмета, который помог бы ему осуществить задуманное. Рука в это время сложила ладонь лодочкой и жестами пыталась намекнуть, что неплохо было бы найти лопату и откопать ее, а не тянуть вверх, как репку.

У Мрака лопаты с собой не было, так как ходить на экзамены в Школу волшебства с лопатой считалось в этих краях дурной приметой. Впрочем, как показал опыт, прийти на них без лопаты тоже не дает гарантию того, что все пройдет гладко.

Размышляя о том, что еще один глупый и несостоятельный миф разрушен, Мрак, подобрав неподалеку сухую и крепкую палку, уже ковырял ею рыхлую землю, пытаясь высвободить из ее плена незадачливого хозяина руки. Уже через несколько минут многострадальная рука была откопана до локтя. Решив, что палкой теперь можно причинить гораздо больше вреда, чем пользы, Мрак, стоя на коленях перед ямкой, принялся аккуратно копать руками, пригоршнями выбрасывая землю на поверхность.

– Прекрасный вечер! – послышался наконец дружелюбный голос из ямы.

Когда пытаешься спасти закопанного под землю человека, дружелюбное «Прекрасный вечер!» – это последнее, что ожидаешь услышать от него в момент освобождения.

– Мог быть и лучше, – справедливо заметил Мрак и продолжил свое занятие, зачерпнув ладонью еще немного земли.

– У меня вторая рука в корнях застряла, – сообщил пленник. – Нужно там подкопать немного.

Мрак кивнул и, снова обхватив ладонью орудие труда, принялся работать им над тем местом, где, как ему казалось, скрывалась вторая рука. К слову, и сам бедолага не лежал в позе загорающего, а всячески пытался помочь себе и Мраку, орудуя свободной правой рукой. Не прошло и пяти минут, как проблема была откопана и рассмотрена. Левая кисть человека каким-то удивительным образом была зажата между двумя не слишком толстыми, но упругими корнями деревьев, из-за чего, собственно, тот и не мог откопаться самостоятельно. Мрак просунул между ними палку и, используя ее в качестве рычага, раздвинул эти природные тиски, чем тут же воспользовался пленник дуба. Высвободив руку, он как ни в чем не бывало принялся откапывать и остальные части тела, все еще скрывающиеся под землей.

Мрак молча наблюдал за человеком, отступив от него на несколько шагов. Когда тот наконец полностью выбрался из места своего заточения, освободитель все же решился задать самый очевидный и предсказуемый в этой ситуации вопрос:

– Ну и зачем ты туда залез?

Человек бросил на него ироничный взгляд, не переставая отряхиваться от земли.

– Жарко было, решил охладиться немного.

– Помогло?

- Вполне. А ты здесь что делаешь?

- Домой иду.

- Домой – это хорошо, – мечтательно закатил глаза человек. – Идти домой всегда лучше, чем идти из дома. Конечно же, если в этом доме тебя ждут. Тебя там ждут?

- Ждут, но я не уверен, что там будут рады моему приходу.

- Так не бывает, – криво улыбнулся откопанный. – Если ждут, то обязательно обрадуются, когда ты вернешься. Иначе какой смысл ждать?

Мрак вздохнул, вспомнив о канделябре и, отбросив в сторону палку, которую до сих пор держал в руке, сел на землю, опершись спиной о ствол дерева.

- Ты когда-нибудь делал то, что тебе не нравится? – глядя перед собой, спросил он.

- О, это вопрос, который требует некоторых пояснений, – человек поднял вверх указательный палец, но, заметив, что к нему прилип кусок земли, принялся вытирать его о свои штаны. – Вот, к примеру, взять меня. Я пролежал под этим деревом трое суток. Нравилось ли мне это? Конечно же, нет. Но ведь я все равно лежал, так как другого выхода у меня не было, и я никак не мог повлиять на ситуацию. А теперь посмотри на себя. Нравится ли тебе копать в земле голыми руками? Сомневаюсь. Но тем не менее ты все равно этим занимался, хотя мог пройти мимо. Поэтому можно сделать вывод о том, что...

Откопанный почесал затылок и уставился на Мрака задумчивым и растерянным взглядом.

- Ну и какой же вывод? – напомнил тот.

- Э-э, вывод, вывод... О чем я сейчас говорил?

- О том, что ты лежал под деревом, а я шел мимо, и...

– Послушай, а ты не видел здесь небольшой кусочек дерева? Вот такой примерно, – человек слегка раздвинул большой и указательный пальцы, демонстрируя Мраку размер потерянной вещи.

– Нет, не видел, – пожал тот плечами.

– Это плохо, очень плохо, – засуетился бывший пленник и снова прыгнул в яму. Встав на колени, он принялся разгребать и рыть руками землю. – И здесь нет... Может, здесь? О! Вот же она!

Мрак с интересом наблюдал за этим странным персонажем, совсем забыв о том, что до темноты осталось не больше часа и, судя по всему, даже двигаясь через лес, он уже не успеет оказаться дома засветло.

– Будь другом, помоги! – Откопанный вылез из ямы и приблизился к Мраку, зажав в пальцах самый обыкновенный кусочек дерева, напоминающий затычку от небольшой бочки.

– Что надо сделать? – Мрак поднялся на ноги.

Человек подошел к нему вплотную и протянул затычку, одновременно наклонив голову. В ноздри Мрака тут же ударил неприятный приторно-сладковатый запах, отчего он даже слегка поморщился.

– Голова у меня прохудилась немного, ты этой деревяшкой поплотнее заткни дырку, а то без нее все из головы вылетает моментально.

Он раздвинул руками грязные волосы на макушке, и Мраку открылось довольно неприятное зрелище. В голове зияла дыра диаметром в пару сантиметров, окаймленная по краям следами запекшейся крови. Решив, что в данной ситуации сначала лучше выполнить просьбу, а потом уже задавать вопросы, Мрак аккуратно вставил в отверстие затычку и придавил так, что она почти полностью ушла внутрь головы, надежно закупорив дыру.

– О, спасибо! – проверив пальцами, плотно ли сидит заглушка, поблагодарил страдалец. – Так, значит, о чем мы говорили? О том, что...

- Ты вурдалак, да? - обреченно произнес Мрак, окинув незнакомца тоскливым взглядом.

- Да, - упырь поднял голову и удивленно посмотрел на парня, - а ты что, сразу не понял? Думал, что я случайно под землю закопался?

- Честно говоря, как-то сразу не сообразил. Увидел, что помощь нужна, вот и помог. На свою голову.

- И что теперь? Обратно закопаешь? - вздохнул вурдалак и улыбнулся.

Шутка действительно оказалась смешной. Хоть вурдалак и был на полторы головы ниже Мрака, но в плечах он заметно превосходил своего освободителя. Определять возраст упыря - занятие неблагодарное, потому как длинные волосы на голове и прочая растительность на лице, за которой, естественно, никто особо не следил, всегда добавляли лет десять даже самому молодому из них. А если учесть и комья земли, приставшие к его одежде, волосам и коже, то определить даже приблизительно количество прожитых им лет не представлялось возможным. Впрочем, Мрака эти нюансы интересовали сейчас в самую последнюю очередь.

- А пробка зачем? - задал он не самый очевидный, но вполне логичный вопрос.

- Чтобы мусор всякий там не собирался. К тому же недавно заметил, что без нее сразу все забываю. Недаром, наверное, природа мозги в такую коробочку поместила? Чтобы мысли из нее не вытекали вместе с мозгами.

Было сложно понять - шутит сейчас упырь или говорит серьезно, но такой ответ вполне устроил Мрака.

- Ты из Стрижгорода идешь? - сменил тему разговора вурдалак.

Мрак кивнул.

- А сам откуда?

- Из Глубин.

– Глубины, Глубины... Что-то не припомню. Далеко отсюда?

– Часа два ходьбы.

– А, рыбацкая деревенька на берегу Мокрого озера? – вспомнил упырь. – А чего в Стрижгороде делал?

Воспоминания о неудачном поступлении снова всплыли в памяти Мрака, отчего даже страх за свою жизнь отошел на второй план. Вслед за этими мыслями на свое законное место вернулись неприятные размышления о том, что ждет его дома.

– Да так... По делам ходил, – отмахнулся он.

Вурдалак нахмурился и повел носом, принюхиваясь.

– От тебя волшебством за версту разит. Ты волшебник?

Мрак машинально поднял руку и понюхал рукав своей рубашки.

– Ничем от меня не разит, не придумывай.

– Ты не дури, парень, – насторожился упырь и слегка согнул колени, как будто готовясь к прыжку, – я это дело шкурой чувствую. Только подумаешь о каком-нибудь фокусе, обглодаю тебе лицо.

Мрак посмотрел на вурдалака и нервно сглотнул. Судя по его позе и словам, он не шутил.

– Я сегодня был в Школе волшебства. Там и пропах, наверное.

– Так, значит, ты все-таки волшебник?

Мрак не успел ничего ответить, потому что упырь молниеносным движением схватил парня за горло цепкими пальцами.

– Слушай меня внимательно, дружок, – быстро заговорил он. – Я тебя убивать не хочу, но, если дернешься, ляжешь вот в эту ямку, которую сам и вырыл, понял?

Мрак кивнул.

– Знаю я вашего брата, – медленно разжимая пальцы, произнес вурдалак. – Чуть что, сразу начинаете бормотать свои заклятия по поводу и без.

– Я не волшебник, – потирая горло, прохрипел Мрак.

– Ну студент, какая мне разница? Ты же хочешь им стать?

– Да не хочу я быть никаким волшебником! – неожиданно прорвало обычно немногословного Мрака. – А они мне только и твердят: «Ты должен, должен, должен!» Меня тошнит от этих приворотов, заворотов, отворотов. Я вообще не понимаю, чем они отличаются друг от друга, а они меня не слушают! Какая разница, сколько моих предков были волшебниками? Хоть сто, хоть двести! Я не хочу быть таким же, не хочу сидеть ночами в душном чулане и варить эти вонючие зелья, я не хочу носить эти дурацкие мантии, не хочу учить непонятные слова, от которых ломается язык, не хочу ездить на ежемесячные сборища, где они только и делают, что хвастаются друг перед другом новым чаном для своих варев или новым колпаком. Я не хочу! Мне все это противно! Собирать дохлых ворон и развешивать их на чердаке, отпиливать пальцы покойникам и часами сидеть на болоте в надежде поймать жабу, которая квакнет первой. Понимаешь? Это со стороны все кажется интересным и увлекательным, а на самом деле все это волшебство – грязь, вонь, пот и вечно красные глаза от недосыпания. – Мрак замолчал, чтобы перевести дух, но этой пламенной речи ему показалось мало, и он продолжил: – Месяц назад в моей деревне был праздник начала лета. Наша семья отвечала за вечерние развлечения. Все хлопали в ладоши и радовались, когда мой отец прочитал заклинание, два раза взмахнул руками и в небе появился призрачный дракон, состоящий из маленьких звездочек. Он летал над деревней, а за ним оставался серебристый след, который опадал на землю настоящими снежинками. Красиво же, правда? Необыкновенно?

– Думаю, да, – кивнул оторопевший вурдалак. – Снег в начале лета и серебристый дракон в ночном небе... Я бы хотел на это взглянуть.

– Да, все жители были счастливы, они стояли с открытыми ртами и глазели на это чудо чудное. А знаешь, как это все создавалось? По указанию моих родителей я каждый день сидел в гнилом озере, собирая на себя пиявок. Когда их набралась целая бочка, я всю неделю растирал их в муку, необходимую для зелья. Кроме того, нам потребовались: передние зубы летучих мышей, белые камни, собранные в зарослях полыни, черные ногти утопленника, шкура гадюки, которую она сбросила на кладбище, и еще куча всяких ингредиентов. Зелье варилось восемь дней, и каждую минуту его нужно было перемешивать. Мы делали это по очереди. Сорок четыре заклинания нужно было прочитать за неделю до праздника и еще двадцать девять – перед волшебством. К тому же, вокруг деревни пришлось протянуть охранные нити для защиты от влияния чужой магии, которая случайно могла помешать преобразованию. Когда дракон появился в небе, я еле стоял на ногах и мне уже было плевать на весь этот праздник. Когда он закончился, я еле дошел до дома, а когда проснулся утром, я увидел перед собой отца с толстенным учебником по теоретической магии в руках, который сказал мне, что через месяц я должен быть в Стрижгороде на вступительных экзаменах в Высшую школу волшебства.

Мрак махнул рукой и тяжело вздохнул.

– Ты идешь с экзаменов? – осторожно поинтересовался вурдалак, стараясь не вызвать новый эмоциональный взрыв и приступ многословия.

– Да.

– Поступил?

– Нет! Меня выгнали оттуда! Даже этот плешивый профессор понимает, что из меня не получится никакого волшебника, а мои родители – нет. Я даже не представляю, что будет, когда я вернусь домой. За последние три месяца я сдавал экзамены в шесть школ волшебства и ни в одну из них не поступил.

– А кем же ты хочешь быть? – Вурдалак явно заинтересовался рассказом Мрака.

– Кем угодно, но только не волшебником.

– Кем угодно? – повторил упырь и снова почесал затылок. – Ну что ж... Все в этом мире происходит не случайно. Позволь представиться, старший научный

сотрудник Училища вурдалаков – Карт.

– Вурдалаков и карт? – непонимающе мотнул головой Мрак. – Каких еще карт?

– Карт – это мое имя. И я старший научный сотрудник.

– А, имя... – кивнул парень, – а меня зовут Мрак.

Он пожал протянутую прохладную руку.

– А что это за училище? Ни разу о нем не слышал. Честно говоря, даже и подумать не мог, что на вурдалаков учатся.

Карт, удостоверившись в том, что перед ним стоит никакой не маг, а обычный неудачник-недоучка, уселся на землю, вытянув перед собой ноги. Мрак последовал его примеру. Некоторое время упырь молчал, внимательно разглядывая парня, и, судя по всему, размышлял о чем-то своем. Наконец он кивнул, как будто соглашаясь со своими мыслями, и заговорил.

– Ты слышал про Лёдсбург?

– Город на севере, в котором круглый год холодно так, что плевки замерзают на лету? Конечно, слышал.

– Да, я говорю именно о нем. Кстати, за пределами его стен так же тепло, как и здесь. Волшебники поддерживают температуру внутри города искусственно.

– Опять эти волшебники, – поморщился Мрак. – А зачем они это делают?

– Для того чтобы в город не ехали приезжие со всей округи. Их там очень не любят. Но, несмотря на невыносимый холод, люди все равно стремятся попасть в город и остаться в нем навсегда. Странно, не правда ли? – хмыкнул Карт. – Я где-то слышал, что есть такое понятие – «эффект Лёдсбурга»: это ничем не объяснимая тяга человека к условиям заведомо худшим, чем те, в которых он находится.

– О, это про моих родителей, – грустно усмехнулся Мрак.

– А знаешь ли ты, что под этим городом есть еще один город? – проигнорировав замечание парня, продолжил упырь.

– Что значит – под городом?

– Под землей. Обычный подземный город, только секретный. Мало кто о нем слышал, потому что он был построен нежитью. Именно там и находится наше Училище вурдалаков. Сокращенно – Вурдуч.

– Почему именно там? – прищурился Мрак. – Насколько мне известно, вход в Лёдсбург всегда был закрыт для нежити.

Карт усмехнулся и покачал головой.

– Да, ты прав. На севере отношения с людьми у нас складываются не так уж и легко. Я не знаю, с чем это связано, но в Лёдсбурге и его окрестностях к нам относятся, мягко говоря, крайне настороженно. Но тем не менее нежить все же зависит от людей. Мы должны быть там, где есть вы. Не все из нас питаются обычной человеческой едой. Многим для существования необходима людская энергия, эмоции. А где их взять, как не в большом городе? Именно поэтому много лет назад было принято решение любым способом проникнуть и закрепиться в Лёдсбурге, по возможности не привлекая к себе излишнего внимания. Все прошло гладко, хоть и не быстро. Наши предки ночами рыли тоннели под стенами города, а днем спали в них же. Десять лет ушло на то, чтобы основать первое подземное поселение. Наш город развивался и рос, превращаясь из обычной вонючей норы в место, где можно жить. Город стал столицей нашего народа. Именно там находится Институт лесного хозяйства, где проходят обучение будущие лешие, Домоводческий техникум, Училище ведьм и ворожей, а также наш знаменитый Вурдуч.

Карт сделал паузу и внимательно посмотрел на Мрака.

– Я приглашаю тебя на обучение в наше училище.

Мрак даже икнул – предложение было очень неожиданным.

– Учиться на вурдалака? – Его брови поползли вверх. – Я всегда думал, что ими становятся не по собственной воле.

– Верно, – согласился Карт, – нельзя стать вурдалаком по желанию. Никто до сих пор не знает, как это происходит на самом деле, и каждый думает, что избежит этой участи, но перед тобой сидит почти живое подтверждение того, что все не совсем так, как кажется на первый взгляд. После того как я в первый раз умер много лет назад, я и подумать не мог, что через несколько дней очнусь в своем же гробу. История о том, как я из него выбирался, заслуживает отдельного рассказа, но не будем вспоминать о плохом. Когда я оказался на поверхности, я совершенно ничего не помнил и не понимал, что со мной случилось, куда идти и что делать. Всему приходилось учиться на ходу, на собственных ошибках и неудачах. Когда я немного освоился, понял и принял новые законы жизни, я познакомился со своими собратьями. Оказалось, что их истории в точности повторяют мою. Именно тогда я задумался о том, что неплохо было бы заранее готовить людей к такому варианту развития событий, обучать их основным моментам выживания. Если человек умер, то его можно поздравить с тем, что его путь закончился, а если он умер, но снова ожил, то ты уже подготовлен, знаешь, куда идти и как себя вести. Я собрал команду единомышленников, и мы основали Училище вурдалаков под Лёдсбургом, где обучаем желающих всем тонкостям нашего непростого существования.

– Ты же сказал, что ничего не помнил из своей прошлой жизни, – нахмурился Мрак. – Какой смысл в обучении, если человек, очнувшись в гробу, не вспомнит ни одну лекцию?

– Все просто. Тебя похоронят с конспектами, которые останутся у тебя после обучения. Поэтому только от твоего стремления к знаниям будет зависеть твоя дальнейшая судьба. Все точно так же, как и в любом другом учебном заведении.

– И какие же там вступительные экзамены? – поморщился парень, снова вспомнив о сегодняшнем провале.

– Собеседование. Обычный разговор с кем-нибудь из преподавательского состава. Как я тебе уже говорил, я – один из них. Поэтому этого будет достаточно. Кстати, – вспомнил Карт, – обучение занимает всего один год. Думаю, что знания, полученные за такой короткий срок, не будут для тебя лишними. Много времени обучение не займет, а после окончания училища ты сможешь поступить в любое другое учебное заведение. Хоть в Школу

волшебства, хоть в Институт вышивания.

– У меня один вопрос, – почесал затылок Мрак. – Ты каждому встречному предлагаешь обучение в училище?

Карт усмехнулся и похлопал парня по плечу.

– Понимаю твои сомнения, но все довольно просто. Во-первых, я благодарен тебе за то, что ты помог мне выбраться из-под земли. Во-вторых, я чувствую, что сейчас творится в твоей душе. Я просто предлагаю тебе выход из ситуации, которая тебе очень не нравится, и если ты не хочешь быть волшебником, не будь им. Попробуй выучиться на вурдалака. А вдруг тебе понравится? Как тебе мое предложение?

Предложение Мраку не очень нравилось, но слова этого полуживого научного сотрудника заставили его задуматься. Что он будет делать целый год дома? Снова выковыривать у гадюк зубы под чутким руководством родителей? Это не самая лучшая перспектива, но учиться на вурдалака... Это не входило в его планы.

– Думаешь, что это не те знания, которые тебе нужны? – как будто прочитав его мысли, спросил упырь. – А что ты будешь делать, если откажешься от моего предложения? Пойдешь домой, выслушаешь от своих родителей кучу оскорблений, возможно, будешь наказан. Они же у тебя маги, они могут, – уверенно кивнул Карт, – А что потом, Мрак? Через месяц ты снова отправишься сдавать экзамены в какое-нибудь захудалое училище волшебства, через год над тобой наконец сжалятся и возьмут хоть куда-нибудь. Там ты просидишь пять лет, пропитываясь еще большей ненавистью к выбранной профессии, а после окончания обучения начнешь работать волшебником в своей деревне, развлекая по праздникам односельчан. Такой судьбы ты хочешь? Ну, что ж... Это твое право.

Карт поднялся на ноги и, бросив на помрачневшего парня насмешливый взгляд, нарочито медленно побрел в глубь леса. Мрак смотрел ему вслед и понимал, что упырь прав. Прав на все сто. Именно так все и будет, и если он наконец-то не пересилит себя и не примет первое самостоятельное решение, то когда-нибудь очень об этом пожалеет. Но что он скажет родителям? Как посмотрит им в глаза? Еще бы, их единственный сын, в котором они видели продолжателя

династии, отрекся от дела своих предков и променял его – на что? На обучение в каком-то Вурдуче? Но с другой стороны...

– С другой стороны, это твоя жизнь, – закончил его мысль вурдалак, остановившись у невысокой ели. – Ну что ты решил?

Мрак до скрипа сжал зубы и закрыл глаза. Решение давалось ему нелегко, но он уже знал, что примет его. Карт прав – это его жизнь, и только ему решать, как ее прожить. В крайнем случае он всегда сможет вернуться домой, если ему что-то не понравится.

– Допустим, я согласен. Что дальше?

Мрак поднялся на ноги и выжидательно уставился на Карта.

– Я знал, что ты сделаешь правильный выбор, Мрак, – улыбнулся тот и подошел к парню. – Двери Училища вурдалаков открыты для тебя. Дело за малым – осталось лишь добраться до Лёдсбурга.

– До Лёдсбурга, – повторил парень и сделал первый шаг к своей новой жизни. Он еще не знал, какие удивительные события ждут его на этом пути.

3

В спортивном зале Ледсбургской Высшей школы воинов царила гробовая тишина. Еще несколько секунд назад здесь были слышны обычные для этого места окрики преподавателей, звуки ударов и тяжелого дыхания студентов, отрабатывающих друг на друге боевые приемы. Но сейчас было так тихо, что можно услышать, как на деревянный пол падают капли крови из разбитой губы Толстого Хрю, который, лежа на полу и опершись на локоть, пронизывал злобным взглядом Марту, которая нависла над ним в боевой стойке.

Но обо всем по порядку.

Марта была студенткой четвертого курса факультета борьбы с нежитью. Независимая, своевольная, принципиальная, не признающая никаких авторитетов студентка была не только гордостью своего курса, но еще и головной болью многих преподавателей. Заставить ее силой что-то делать было просто невозможно – она всегда поступала так, как считала нужным, полагаясь только на свое мнение. Преподавательскому составу ничего не оставалось, кроме как скрежетать зубами и смотреть на ее выходки сквозь пальцы, так как при всем своем упрямстве, бескомпромиссности и недисциплинированности именно Марта приносила кафедре и школе победы во всех районных соревнованиях по боевым искусствам. Нельзя сказать, что однокурсники любили ее и всячески пытались с ней подружиться. Скорее – наоборот. Каждый раз, когда Марта приближалась к компании студентов, шумно обсуждавших какую-нибудь новость или просто проводивших время за непринужденным разговором, у всех тут же находились какие-то срочные дела, неожиданно вспоминались назначенные встречи, а студенты, напроць лишенные фантазии, просто молча разбредались кто куда, не забыв при этом натянуть на лицо фальшивую улыбку и на всякий случай все же поздороваться с Мартой, ведь портить с ней отношения тоже никому не хотелось.

Марта же прекрасно понимала причину такого положения дел, так как ее любимым занятием было говорить правду в лицо всем и каждому независимо от того, кто именно перед ней находился. Всем сердцем презирая льстецов, лицемеров, подхалимов и совершенно этого не скрывая, Марта понимала, что завести друзей у нее вряд ли когда-нибудь получится, но это никоим образом ее не тревожило. Отсутствие своей компании приятелей она расценивала не как досадное недоразумение, а как возможность направить все свое свободное время на отработку новых боевых приемов, а также на изучение других тонкостей этой нелегкой профессии – бойца с нежитью.

Возможно, на формирование ее характера повлиял тот факт, что Марта была круглой сиротой. Отца она совсем не помнила, так как он пропал без вести за несколько месяцев до ее рождения, а мать умерла, когда ей было всего пять лет. Поэтому ее воспитанием занималась бабушка по материнской линии, проживающая в соседней деревне. Узнав о том, что ее внучка лишилась отца, а дочь – мужа, она тут же забрала обеих к себе, уделяя Марте все свое свободное время и стараясь одарить ее вниманием и заботой, которых ей так не хватало. Через несколько лет не стало и ее матери...

Именно эта девушка, с годами превратившаяся из бледной малышки с испуганным взглядом в высокую длинноволосую красотку с холодным блеском серых глаз, сейчас и стояла в центре спортивного зала, вытирая со лба капельки пота и равнодушно разглядывая, мягко говоря, пышное тело Толстого Хрю, распластавшегося на полу.

Толстый Хрю являл собой полную противоположность Марте и, в отличие от нее, всегда был окружен вниманием друзей и знакомых, которых у него было в избытке. Не нужно трое суток варить зелье предсказания, чтобы догадаться о том, как выглядел Толстый Хрю, поэтому остановимся на внутренних качествах и чертах его непростого характера. А начнем мы с имени, которое на самом деле звучало немного по-другому. Его родители когда-то назвали своего мальчика красивым, на их взгляд, именем Хрюс. Но, как это обычно бывает, совершенно не подумали о том, что своим выбором весьма упростили задачу его одноклассникам, которые недолго раздумывали над прозвищем. Так Хрюс превратился в Хрю, а затем, в силу врожденной страсти к перееданию, – в Толстого Хрю. Закончив обычную школу, Хрю поступил в Высшую школу воинов в Лёдсбурге, что стало неожиданностью для всех его одноклассников, – ведь чтобы сдать вступительные экзамены в это престижное учебное заведение, нужно обладать незаурядными физическими данными, чем Хрюс совершенно не мог похвастаться. Тем не менее каким-то удивительным образом он смог пробиться сквозь жернова жесткого отбора и стать студентом. Впрочем, неожиданной эта новость была только лишь для тех, кто не знал, что ректором Школы воинов был родной дядя Хрюса – профессор Крой. Хрюс никогда не скрывал этого от своих сокурсников и даже гордился своими родственными связями, благодаря которым он и оказался в списках учеников школы. Нетрудно догадаться, что количество его приятелей увеличивалось с каждым днем. Многие хотели видеть его в кругу своих друзей.

Учился Хрюс отвратительно, но это никоим образом не мешало ему сдавать все экзамены на самые высокие баллы. На практических занятиях по боевым искусствам никто не мог его победить в спаррингах просто потому, что никому не хотелось портить отношения с племянником ректора Кроя. Но все это когда-нибудь должно было закончиться, и, когда преподаватель поставил в пару к Хрюсу Марту, атмосфера в зале стала сгущаться до вязкости вчерашнего киселя. Другие студенты только делали вид, что отрабатывают удары, а на самом деле наблюдали за исходом этого принципиального боя, который, впрочем, продлился совсем недолго. Марта, не дожидаясь атаки Хрюса, пошла вперед и одним легким движением бросила того на пол. Толстый Хрю, совершенно не ожидавший такого поворота событий, не успел даже сгруппироваться и со всего

маху приложился лицом о деревянный пол, разбив губу и больно ударившись коленом.

Все студенты замерли на своих местах. Преподаватель, забыв о своих обязанностях, молча переводил взгляд с Хрюса на Марту, ожидая, как разрешится эта несколько неординарная ситуация. Толстый Хрю провел тыльной стороной ладони по своим губам и, не сводя злобного взгляда с Марты, протянул руку в ее сторону, демонстрируя свой пухленький кулачок, измазанный кровью.

– Это не моя кровь, – расплывшись в злорадной улыбке, произнес он, – это твоя кровь, тупая девка.

С этими словами он поднялся на ноги и, гордо расправив плечи, зашагал к выходу из зала.

– Занятие окончено, – пряча глаза и стараясь не смотреть на Марту, громко возвестил преподаватель и поспешно ретировался из спортивного зала.

Следующие несколько дней в школе прошли без инцидентов. Хрюс был, как всегда, весел и жизнерадостен. Собирая вокруг себя шумные компании и выдавая второсортные шуточки, от которых тем не менее все его друзья катались по полу от смеха, он ни разу не затронул тему, которая незримой тканью окутала всю школу, став самой обсуждаемой новостью месяца. За каждым углом, в каждой аудитории, во время занятий и перерывов студенты собирались небольшими группами и делились соображениями и догадками о том, как именно Толстый Хрю отомстит Марте за свой позор. Впрочем, долго гадать не пришлось. Во время занятия по основам дипломатии при общении с оборотнями в кабинет заглянул первокурсник и, смущаясь и краснея, сообщил о том, что Марту вызывают к ректору. Девушка отреагировала спокойно: попросив у преподавателя разрешения покинуть урок, она, прихватив с собой учебник и тетрадь, направилась к выходу.

– Разрешите?

Марта постучалась в массивную деревянную дверь и еще раз посмотрела на табличку, прибитую к стене, на которой золотыми буквами красовалось имя ректора Кроя.

– Войдите, – послышалось из кабинета.

Толкнув дверь, Марта вошла внутрь.

– О, легендарная студентка четвертого курса, гордость нашей школы, надежда на будущее человечества, Марта, – с нескрываемым сарказмом произнес Крой, приподнявшись со своего кресла и театрально раскинув руки в стороны.

– Здравствуйте, ректор Крой, – слегка склонив голову, как этого требовали правила общения с преподавательским составом, произнесла Марта.

– Проходи, садись. Чувствуй себя почти как дома.

– Благодарю.

Марта прошла через весь кабинет и села на стул, стоящий ближе всех к дубовому столу, за которым восседал ректор. Несколько секунд тот молча смотрел на нее, о чем-то глубоко задумавшись. Затем, сложив руки на груди, он откинулся на спинку кресла.

– Я слышал о тебе, Марта, – произнес он и, сделав многозначительную паузу, продолжил: – Говорят, что по успеваемости ты одна из лучших в школе. Это правда?

– Думаю, об этом лучше спросить у моих преподавателей, – глядя перед собой, ответила девушка.

– Я уже спросил, – улыбнувшись краешком рта, произнес он. – Многие из них действительно отмечают твои навыки как лучшие в школе. Особенно в области боевых искусств. Говорят, в этом тебе нет равных и даже отличники твоего курса не в силах противостоять твоему мастерству боя.

Крой поднялся с кресла и подошел к окну, повернувшись спиной к Марте.

– Зачем тебе нужно обучение в нашей школе, если ты и так умеешь все, чему мы учим студентов на протяжении пяти лет? – бросил он через плечо.

– Я думаю, что преподаватели слегка завышают мои способности, – после небольшой паузы ответила Марта. – Я не уверена, что я...

– Слишком много «я» в одном предложении, тебе так не кажется? – перебил ее Крой, резким движением обернувшись к ней. – Если ты хочешь окончить школу, тебе нужно слегка померить свое самолюбие и наконец-то начать мыслить другими категориями. Не «я», а «мы». Все мы здесь – одна большая семья. А разве допустимы избиения и издевательства над другими членами семьи, как ты думаешь?

Марта посмотрела на ректора удивленным взглядом.

– Это вы намекаете на...

– Я никогда ни на что не намекаю, девочка, – повысил голос Крой. – Я всегда говорю прямо. Ты подло избивала студента и думаешь, что это сойдет тебе с рук?

– Что значит – подло? – вскинула брови Марта. – Это был обычный учебный бой на занятии по боевым искусствам!

Ректор приблизился к девушке и посмотрел на нее сверху вниз.

– Учебный, говоришь? Что же это за учебный бой, на котором студенты разбивают друг другу лица? А что будет дальше? Потом кто-нибудь нечаянно убьет своего сокурсника и тоже скажет, что это была обычная тренировка? Нет, Марта, пока я ректор этой школы, я не допущу таких инцидентов. Думаю, что твое отчисление станет хорошим уроком для всех студентов и такие ситуации больше никогда не повторятся.

Эти слова прозвучали как приговор. Марта побледнела, а кончики ее пальцев еле заметно задрожали. Ректор Крой, даже не удосужившись насладиться произведенным эффектом, вернулся в свое кресло и с деловым видом стал перебирать бумаги на столе, абсолютно не обращая внимания на сидевшую напротив него Марту. Она же в это время пыталась собрать всю свою волю в кулак, чтобы сдержать прорывающиеся наружу слезы.

– Я тебя больше не задерживаю, – равнодушно произнес ректор, не отрывая глаз от бумаг.

– Но... Ректор Крой, неужели эта глупая ситуация может перечеркнуть все мои заслуги перед школой? – спросила она дрожащим голосом. – Разве я мало сделала для нее, чтобы вот так запросто меня можно было отчислить? Мне же остался всего год до окончания!

– Вот и замечательно, – улыбнулся Крой. – Сейчас как раз лето, везде идут вступительные экзамены. Если ты поторопишься, то обязательно успеешь поступить в какой-нибудь... в какое-нибудь... В общем, куда-нибудь.

Слезы все-таки нашли дорогу и брызнули из глаз Марты.

– Но это была моя мечта! Понимаете? Я мечтала об этом с самого детства!

– О чем?

– Стать воином!

– Воином? – Крой почесал подбородок и посмотрел на девушку. – На каком факультете ты учишься?

– На факультете борьбы с нежитью.

– Вот! – Он поднял указательный палец вверх. – Факультет борьбы с нежитью! Один из самых старых факультетов нашей школы. Легендарный ФБН! А теперь скажи, разве студент Хрюс похож на оборотня?

– Нет.

– Может быть, он чем-то напоминает болотника? Ты не видела на нем таких зеленоватых склизких ошметков?

Марта потупила взгляд и покачала головой.

– А может, Хрюс – упырь? – продолжал издеваться Крой. – Когда ты разбила ему лицо, кровь бежала быстро, как у нормальных людей, или еле-еле сочилась? Когда ты схватила его и бросила на пол, не ощутила ли ты сладковато-тошнотворного запаха?

– Нет...

– Тогда зачем ты мне рассказываешь о какой-то мечте? – взревел ректор. – Выходит, что за эти четыре года ты только тому и научилась, что самоутверждаться за счет слабых людей? Все твои заслуги – это бои против таких же студентов, как и ты. Ты ни разу не видела в глаза ни одного оборотня! Ты даже представить не можешь, что чувствует человек, которого тянет в трясины болотник! Какой ты воин, девочка? Иди и поступай в кулинарное училище и перестань строить из себя невесту что!

Марта вскочила на ноги и, упершись кулаками о стол, нависла над ректором. В ее глазах полыхали страшные огоньки.

– Тогда отправьте меня на бой! Я докажу вам, на что я способна! Отправьте меня на войну с нежитью!

Ректор, слегка опешив от такой реакции, расплылся в улыбке.

– На войну? На какую войну, Марта? Мы не воюем с ними уже много лет. Или ты предлагаешь мне развязать ее специально для тебя?

– Но...

– Я уже устал от этих разговоров, – вздохнул Крой. – Давай закончим на этом, и каждый займется своими делами. Ты пойдешь искать новое место учебы, а я продолжу разбираться с бумагами.

Марта хотела что-то возразить, но ректор красноречивым жестом молча указал на дверь.

– Но я...

– Довольно! – хлопнул он ладонью по столу. – Хватит уже действовать мне на нервы!

Марта поняла, что это конец. Никакие доводы уже не помогут, потому что Крой изначально был настроен на такой вариант развития событий. Это была месть Толстого Хрю, его племянника. И, судя по всему, она удалась. Марта развернулась и побрела к выходу, но у самой двери ее остановил голос Кроя.

– Ты действительно так мечтала о карьере воина?

Его голос подозрительно смягчился и стал более дружелюбным.

– Да! – Марта даже слегка подпрыгнула на месте. – С самого детства я...

– Подойди сюда. Присядь.

Девушка бросилась к столу. Крой снова окинул ее долгим оценивающим взглядом, как будто принимая какое-то важное для себя решение. Наконец он заговорил.

– Выслушай меня и не перебивай. – Он положил руки на стол и принялся вертеть в пальцах карандаш. – Буду с тобой откровенен и хочу сразу попросить тебя о том, чтобы наш разговор остался между нами и не вышел за пределы этого кабинета.

– Конечно, ректор Крой!

– Я попросил не перебивать, – слегка повысил он голос, но, успокоившись, продолжил: – Вот приказ о твоем отчислении из школы.

Он выудил из вороха бумаг один лист и положил его на стол перед Мартой.

– Как видишь, он уже подписан мной и теперь есть два варианта. Первый – он отправится на доску объявлений, где обычно и оказываются все мои приказы. Второй гораздо интереснее. Эту бумагу я могу отдать тебе, и ты сделаешь с ней все, что захочешь. Думаю, что это тебе больше понравится. Правда?

Марта кивнула.

– Я готов забыть об этом инциденте с моим племянником, но для этого, как ты понимаешь, нужно кое-что сделать на благо твоего же факультета.

Крой медленно открыл ящик стола и спрятал туда приказ.

– Как ты знаешь, после окончания последней войны с нежитью негласно запрещено причинять им вред без веских на то причин. По сути, их вообще нельзя трогать, если только они не отрывают голову какому-нибудь бедолаге на главной площади города. С тех пор их развелось огромное количество, и они все равно продолжают творить свои мерзкие делишки под покровом ночи. Да, им запрещено появляться в некоторых городах и деревнях, они не должны вступать в какие-либо отношения с людьми, но разве их это когда-нибудь останавливало? Теперь, если кто-то из них убьет человека, высосет из него всю кровь или просто разорвет на куски, его объявляют в розыск, потом судят и сажают в специальную тюрьму, откуда некоторым из них все равно удается бежать. Разве так нужно поступать с вечными врагами человечества? Разве они достойны милосердия и снисхождения? Мало того, наш факультет постоянно хотят расформировать, как они говорят, по причине невостребованности профессии. А вам, студентам ФБН, приходится тренироваться и отрабатывать приемы друг на друге. Разве это справедливо?

– Конечно, нет! – Марта смотрела на ректора как замороженная, поддавшись чарам его вкрадчивого и мелодичного голоса.

– Вот и я думаю, что это неправильно.

Крой ненадолго замолчал и захлопнул ящик стола.

– Через неделю начинаются каникулы. У тебя есть время до начала осени, чтобы найти и привести сюда живую нежить, если слово «живая» вообще применимо к этому проклятому племени.

– Найти? В Лёдсбурге? – захопала ресницами Марта. – Но ведь здесь их нет, и вход на территорию города для них запрещен.

– Я знаю, – усмехнулся Крой, – поэтому и даю тебе так много времени. Думаю, твоему факультету очень пригодится такой подарок, а ты, если справишься с заданием, в очередной раз станешь героиней нашей школы. А самое главное, – он постучал пальцем по столу, – в качестве вознаграждения ты получишь бумагу, которая все это время будет лежать здесь, и продолжишь свое обучение.

– Я могу задать один вопрос, ректор Крой?

– Конечно.

– Что вы собираетесь делать с этой нежитью?

– О, ничего противозаконного, – взмахнул он руками, – проведем несколько занятий по ее практическому изучению, устроим несколько спаррингов, да и отпустим восвояси. Поэтому очень важно, чтобы ты доставила ее сюда в целостности и сохранности. Иначе какой от нее толк? Что скажешь?

Марта нахмурилась, погрузившись в размышления. Ректор внимательно наблюдал за каждым движением мышц ее лица.

– Это... это будет очень сложно, – вздохнула она. – Привести живую нежить в Лёдсбург...

– Да, это задание не из легких, но именно поэтому я и решил доверить его лучшей студентке нашей школы. Думаю, что, кроме тебя, с этой задачей никто не справится. Даже мой distinguished племянник Хрюс.

Ректор весело и беззлобно улыбнулся, и Марта, не удержавшись, последовала его примеру.

– Так что? По рукам?

– Да, я согласна, – кивнула Марта.

– Вот и умница. Но, надеюсь, ты не забыла о нашем уговоре? – мгновенно посерьезнев, произнес Крой. – О твоём задании не должна знать ни одна живая

и полуживая душа.

– Я держу свое слово, ректор, – произнесла девушка и снова стала похожей на ту Марту, какой ее знала вся школа – гордую, независимую и своевольную. – Готовьте клетку.

С этими словами она развернулась и быстрым шагом направилась к выходу из кабинета.

– Удачи, Марта, – бросил ей вслед Крой и, положив руки на подлокотники, откинулся на спинку кресла.

Не прошло и часа после разговора Марты с Кроем, как в дверь его кабинета снова постучали.

– Войдите, – подняв голову от бумаг, разрешил ректор.

Дверь приоткрылась, и на пороге возникла худощавая фигура профессора Лесьяра – декана того самого факультета борьбы с нежитью, студенткой которого до сегодняшнего дня числилась Марта. Приблизившись к столу Кроя пружинящей походкой, Лесьяр сел на стул и вопросительно уставился на ректора.

– Ну, что нового? – не здороваясь, произнес он.

– Дверь закрыл? – выглянув из-за плеча своего гостя, спросил Крой.

– Закрыл, закрыл. Что там с нашим делом? – нетерпеливо заерзал на стуле Лесьяр.

– Все замечательно. Она согласна.

Декан облегченно выдохнул.

– Ты уверен, что она справится?

– Ты же сам говорил мне, что она лучшая студентка факультета, если не всей школы, – нахмурился Крой.

– Да, но случиться может все что угодно, ты же сам понимаешь...

– Ты переживаешь за нее или за сохранность мерзости, которую она должна нам привести? – ухмыльнулся ректор.

– Я беспокоюсь за нас. Что, если кто-то узнает о наших делах? Торговля нежитью запрещена, и мы можем неплохо влипнуть, если нам не удастся сохранить всю операцию в секрете.

– О, не беспокойся по этому поводу, – покачал головой Крой. – Марта – идеальный исполнитель. Во-первых, – он достал из ящика стола приказ об отчислении и протянул его Лесьяру, – официально она отчислена из школы, поэтому, если что-то пойдет не так, к нам не будет никаких претензий. Мало ли чем решила заняться обиженная на весь мир бывшая студентка нашей школы, которую, кстати, отчислили не просто так, а за грубейшее нарушение дисциплины. Во-вторых, я не посвящал ее в детали и она ничего не знает о том, что будет с нежитью после того, как она ее нам передаст. В-третьих, Марта – круглая сирота, и ты об этом знаешь. У нее нет никого, кто бы мог ее защитить, кроме старой бабки, которая воспитывала девчонку после смерти матери. – Крой торжествующим взглядом посмотрел на гостя и пожал плечами. – Мы защищены со всех сторон. Лучше ты расскажи о том, что ты должен был сделать.

– Да, я встретился с черными магами, – кивнул Лесьяр. – Все наши договоренности в силе. Они платят тридцать тысяч олтыров за живую нежить в хорошем состоянии.

– Интересно, как они определяют состояние этих тварей? По запаху, что ли? – рассмеялся ректор.

– Нет, запах у них оставляет желать лучшего. Им нужны объекты без явных признаков гниения и со всеми конечностями в комплекте.

– Фу, мерзость, – скривился Крой. – Кстати, всегда хотел узнать, что они с ними делают?

Лесьяр помрачнел и отвел глаза в сторону.

– Крой, они делают с ними такие вещи, от которых даже у меня шевелятся волосы на голове. Эти черные маги – те еще отморозки. Иногда мне кажется, что они просто больные люди, потому как нормальному человеку, даже если он маг, никогда не придет в голову выворачивать нежить наизнанку и резать ее изнутри только для того, чтобы добыть ингредиенты для заклятия от облысения.

– Черные маги и заклятие от облысения? – снова расхохотался ректор. – Лесьяр, ты плохо их знаешь. Уверен, что они платят такие деньги не для того, чтобы на их головах появилось несколько лишних волосинок. Мне кажется, тут речь идет о заклятиях посерьезнее и пострашнее.

– Может быть, и так, – пожал плечами профессор Лесьяр, – но я не хочу об этом даже думать. Передадим им товар, заберем деньги, и пусть делают, что хотят. Нас это вообще не должно волновать.

– Согласен, – подмигнул ему Крой. – Кстати, насчет денег. Как и договаривались, мне двадцать тысяч, тебе десять, верно?

Глаза Лесьяра округлились, а лицо стало еще более вытянутым.

– Но... мы договаривались...

– Да шучу, шучу, – расплылся в улыбке Крой. – Деньги пополам. Осталось только дождаться девчонку. Надеюсь, у нее все получится... Кстати, как там успеваемость у Хрюса?

– О, у него все отлично, – ухмыльнулся Лесьяр, – и, пока я возглавляю факультет, можешь не сомневаться, у него не возникнет никаких проблем с учебой.

– Замечательно, – хмыкнул ректор, – а теперь иди. У меня еще много работы.

Лесьяр пожал протянутую руку и зашагал к выходу.

– Что за имя такое – Мрак? – переступив через поваленный ствол дерева, спросил вурдалак.

Они уже давно свернули с тропы, которая петляла между деревьями на восток, и сейчас двигались на север, пробираясь сквозь заросли колючих кустарников.

– Обычное имя. Ничем не хуже Карта, – пожал плечами будущий дипломированный упырь.

– Прошу заметить, что не только не хуже, но и не лучше, – остановившись, произнес вурдалак и тут же получил по лицу упругой веткой, которую выпустил из рук Мрак, шагающий впереди. – Между прочим, у нас, вурдалаков, в моде короткие имена. У меня есть знакомый, которого зовут Ы. У него от старости что-то случилось с челюстью: она выехала вперед, да так и осталась в таком положении. Теперь он, кроме «ы-ы-ы», ничего и сказать толком не может. Зато знаешь, каким он раньше был веселым? Как-то раз выпал у него глаз, так он его на нитку нанизал и в карман положил. Когда у него кто-нибудь спрашивал, который час, он этот глаз доставал и отвечал: «Сейчас посмотрю».

Карт зашелся в приступе смеха, напоминающем карканье вороны и лошадиное ржание одновременно. Мрак, порядком уставший от этого специфического загробного юмора, лишь покачал головой.

– Тебя так всегда звали? И когда ты...

– Когда живой был? – заметив смущение Мрака, быстро нашелся Карт. – Нет. Новая жизнь – новое имя. После первой смерти предыдущая жизнь быстро стирается из памяти. Не знаю, с чем это связано, наверное, какие-то процессы в голове происходят, а может быть, просто стараешься ее не вспоминать. Пара лет – и всё – ни имени не помнишь, ни дома своего, ничего. Да и зачем оно нужно? Лишний раз душу бередить воспоминаниями?

Вурдалак замолчал, погружившись в свои мысли, но их хватило ненадолго.

– Мы имена друг другу сами даем. Чем славен упырь, так его и кличут.

– И чем же ты так знаменит? – на ходу обернулся Мрак. – Картавостью своей, что ли?

– Да нет, это просто кусок земли к небу прилип.

Карт тут же засунул грязный палец в рот и извлек из него маленький комочек глины.

– У нас же беда самая главная какая? Разваливаемся мы со временем потихоньку. Как сердце прохудится или голова отвалится, так все – пиши пропало. Поэтому днем стараемся схорониться куда-нибудь, где прохладней. Кто в подвалы лезет, кто в пещеры. В общем, кто во что горазд.

– Не пойму, как это связано с именем? – поморщился Мрак. – Или это опять ваши упыринные шуточки?

– Что непонятного? – развел руками вурдалак. – Дни летом длинные, солнышко чуть ли не до полуночи светит. Вот и приходится самому себя развлекать. А бывает такое, что соберутся в одной пещере с десяток упырей – чем им заняться? Кто-то спит, кто-то поделки мастерит разные из подножного материала, а я люблю в картишки перекинуться. Мастер я в этом деле. Вот и прозвали меня Картежником. Сокращенно – Картом.

– Понятно, – кивнул Мрак, – а то я уже все варианты в голове перебрал. То ли ты Картавый, то ли Картограф, то ли Картошка.

После своего предположения Мрак не сдержался и рассмеялся вслух.

– А что смешного? – нахмурился упырь. – Что такого веселого в картофеле? Это какое-то вредное растение или что? У меня, кстати, есть знакомый с таким именем. Вот если бы его Горохом назвали, было бы смешно.

– А что смешного в горохе? – поинтересовался Мрак.

– Как что? Ты его видел?

- Видел.

- И что, не смешной разве?

- Нет.

- А в картофеле что смешного?

- Да ничего смешного нет ни в картофеле, ни в горохе, ни в картох, - согласился Мрак. - Просто забавные у вас имена.

- А что забавного? - не унимался тот.

- Да ничего. Просто мне так показалось.

- А сейчас уже не кажется?

Мрак остановился и посмотрел на своего нового знакомого.

- Слушай, а ты всегда такой нудный?

- Почему это я нудный? Это ты нудный. Уверен, что, если ты когда-нибудь станешь упырем, тебя назовут Нудом.

Мрак вздохнул и, промолчав, зашагал дальше, но вурдалак не успокаивался. Он шел сзади и громко возмущался тем, что буквально за пару минут его обозвали нудным, да к тому же еще и посмеялись над именами представителей его племени. Впрочем, делал он это довольно беззлобно, но все же через некоторое время успел изрядно надоесть молчаливому Мраку своим бесконечным бурчанием.

- Кстати, о картофеле, - остановился Мрак и повернулся к упырю. - Я сейчас с удовольствием съел бы целую сковородку. Питание до поступления в училище не предусмотрено?

– Сковородки плохо влияют на пищеварение, – не останавливаясь, бросил Карт и, обойдя парня, зашагал дальше.

Мрак вздохнул, поднял голову и посмотрел на небо, рваными лоскутами пробивающееся сквозь кроны деревьев. Еще час – и лес погрузится в кромешную тьму.

– Нет, так не пойдет, – крикнул он в спину удаляющейся нежити. – Я понимаю, что ты привык по ночам бродить по лесам, поджидая всяких...

Он осекся и замолчал. Вурдалак остановился и медленно обернулся к нему. Мрак только сейчас осознал степень своей наивности и глупости. Поверить в какие-то бредни про Училище вурдалаков и отправиться с нежитью куда-то на ночь глядя почему-то только сейчас показалось ему верхом неблагоразумия. Видимо, он был так огорчен и раздосадован своей неудачей на экзамене, что совсем забыл о здравом смысле.

– Стой на месте, упырь, – проговорил он дрожащим голосом и принялся осматриваться по сторонам в поисках какого-нибудь оружия, но, как известно, ножи, сабли и топоры не растут на деревьях, поэтому Мрак поднял с земли сухую ветку внушительного размера и принял угрожающую позу, положив ее на плечо. Впрочем, на вурдалака это произвело обратное впечатление. Расплывшись в далеко не белоснежной улыбке, он сделал шаг к Мраку.

– Я сказал – стой! – выкрикнул тот. – Сожрать меня решил? Наговорил всяких сказок, а я и поверил. Только попробуй меня тронуть, упырь! Я тебе голову снесу одним ударом.

Мрак удобнее перехватил свою дубину и принялся озираться по сторонам, подозревая, что у вурдалака могут быть сообщники и пока один отвлекает его, другие уже крадутся к нему со всех сторон.

Карт тем временем откровенно забавлялся, глядя на этого горе-воина. Вволю насмеявшись, он в примирительном жесте вытянул перед собой ладони.

– Мрак, успокойся, – продолжая улыбаться, сказал он. – Если бы я хотел тебя убить, я прикончил бы тебя, как только ты меня откопал. А вот чтобы убить меня, тебе нужно будет очень сильно постараться.

– Голову снесу – и всех делов! – не успокаивался парень. – Сколько вас здесь? Двое? Трое?

– И после этого ты называешь меня нудным? – покачал головой Карт. – Я же тебе сказал: если бы я хотел тебя съесть, я бы тебя уже съел. Единственное, что я оставил бы диким зверям, это твои мозги, потому что они не имеют никакой питательной ценности, раз они не помогают тебе понять, что вурдалаки не питаются сырым мясом, а значит, есть тебя у меня нет никакого желания.

От такой откровенности Мрак слегка растерялся.

– То есть как? Разве вы не...

– Мрак, друг ты мой пустоголовый, посмотри на меня! – Карт раскинул руки в стороны. – В моем черепе прогнила дыра, которую мне приходится закрывать деревянной затычкой, у меня выпали девять зубов, волосы на голове держатся на одном честном слове, а кожа рвется так, как будто она сделана из бумаги. Как ты думаешь, в каком состоянии находится мой желудок?

Парень нахмурился, пытаясь понять, к чему клонит упырь, но дубинку не опустил.

– Ты мне показался таким сообразительным и смекалистым, – продолжил Карт, – а оказывается, что ты не способен понять такую очевидную вещь. Мой желудок не сможет переварить даже половинку твоего левого уха – что уж говорить об остальном.

– То есть упыри не едят людей? – недоверчиво спросил Мрак.

– Ни людей, ни собак, ни кроликов. Лично я предпочитаю что-нибудь легкое, но питательное. Манную кашу очень люблю, фрукты, сыры разные.

Парень наконец опустил свое оружие и вытер рукавом капельки пота, выступившие на лбу. Карт подошел к нему и дружески похлопал по плечу.

– Мрак, мы идем в Лёдсбург, и, что бы ни произошло, мы до него дойдем. И не ищи врагов там, где их нет.

С этими словами он развернулся и зашагал вперед.

– А что насчет человеческой крови? – отбросив дубину в сторону и догоняя своего будущего преподавателя, поинтересовался парень.

– Вот кровь – другое дело. Кровь – это вкусно и полезно, – не оборачиваясь, бросил упырь через плечо, как будто речь шла о стакане вишневого сока.

Нельзя сказать, что эти слова успокоили Мрака, но его организм решил не покрываться снова холодным потом, так как в лесу и без того было довольно душно. Молча кивнув и, как обычно, подумав о том, что только он один мог попасть в такую историю, Мрак поплелся за вурдалаком, чьи очертания уже размывались в опускающихся на лес сумерках.

Следует признать, что Карт ничего не скрывал, рассказывая Мраку о своих кулинарных предпочтениях. Вурдалаки действительно не едят мясо по причине крайне плачевного состояния их внутренних органов, которое вызвано вполне объективными причинами. Не обманул он и в том, что иногда они употребляют в пищу человеческую кровь. Но, как правило, промышляют этим либо совсем отмороженные вурдалаки, чем очень сильно портят и так не самую светлую репутацию своих сородичей, либо те, кто по каким-то причинам не может раздобыть другой пищи.

По статистическим данным Стрижгородского района, в котором проживал Мрак, за последние пять лет было зафиксировано всего одиннадцать нападений вурдалаков на людей и все они произошли либо в зимнее время, либо в годы неурожая. И эта цифра совсем не превышает средних показателей по району. Однако не стоит забывать, что Министерство статистики Стрижгородского района, впрочем, как и другие подобные ведомства других районов, никогда не славилось особой точностью ни в сборе данных, ни в их анализе, поэтому замерзшего по пьяни кузнеца и утопившегося от безответной любви молодого учителя географии почему-то тоже записали в список жертв упырей, слегка подпортив этим статистику. Впрочем, для обычных людей случай с учителем был вполне объясним. Дело в том, что объектом его любви была жена самого министра статистики, поэтому списание гибели неудачливого воздыхателя на гнилые зубы вурдалаков было вполне логичным, а вот чем умудрился насолить министерству бедный кузнец, до сих пор остается загадкой.

Тем временем ночь уже окончательно опустилась на землю. Мрак шел за Картом, ориентируясь на звук его шагов, и думал о своих родителях. Нет, они не будут переживать, если он сегодня не вернется домой. Скорее, наоборот, обрадуются. Ведь они прекрасно знают, что, по правилам обучения во всех школах волшебства, студентов заселяют в общежитие в день сдачи экзаменов. Успешной сдачи экзаменов, конечно же. Весь первый год студенты полностью изолируются от внешнего мира в целях их же безопасности. Эта мера была введена несколько лет назад, после того как группа первокурсников из восьми человек, переоценив свои силы, решила расколдовать знаменитого Спящего Дракона. Никто не знает, какие именно цели они преследовали, решившись на эту авантюру, да и не узнает, потому что у входа в пещеру Дракона через два дня были обнаружены восемь аккуратных кучек пепла. С тех пор во всех школах волшебства было введено ограничение на выход первокурсников за пределы этих образовательных учреждений. К слову, в Институте боевой магии этот срок увеличили до трех лет.

Мрак переживал по другому поводу. Как он объяснит родителям свой странный выбор, когда вернется домой через год? Вместо того чтобы стать каким-никаким, но волшебником, продолжив славное дело своих предков, он покажет им диплом об окончании Училища вурдалаков? Мрак поежился, мысленно представив взгляд отца, которым тот непременно наградит его. Мать заплачет. Обязательно заплачет. А что ей останется делать? Затем последует долгий и тяжелый разговор с демонстрацией портретов дедушек и бабушек, прадедушек и прабабушек, которые будут укоризненно смотреть на него со стен его дома, а что потом? Мрак не мог ответить на этот вопрос, тем более что Карт решил прервать затянувшееся молчание.

- Скоро дойдем до таверны, там поедим и переночуем, - сообщил он.

- Что за таверна? - прогоняя из головы печальные мысли, спросил Мрак.

- Самая лучшая таверна в окрестностях Стрижгорода. Таверна у...

Мрак подождал несколько секунд, но, так и не дождавшись окончания предложения, решил уточнить:

- И? Таверна у кого?

- Что значит - у кого? - слышался впереди удивленный голос Карта.

- Ты сказал, что переночуем в таверне у... Но так и не договорил - у кого? Как она называется?

- Так и называется - таверна «У». Что непонятного?

- «У»? - Мрак на ходу почесал затылок. - Ее назвали в честь какого-нибудь вурдалака, да? Вроде того по имени Ы, про которого ты мне рассказывал?

- Старина Ы здесь ни при чем. Просто таверна называется «У», - констатировал Карт, но, услышав недовольное бурчание Мрака, все же решил пояснить: - Когда-то давно она действительно называлась по-другому. Что-то вроде: «У Хельги» или, к примеру, «У дуба». Но никто уже не помнит этого названия, потому что лет пятьдесят назад там произошла грандиознейшая драка между оборотнями и лешими. Настоящее побоище, о котором до сих пор ходят легенды.

- И что же они не поделили?

- Точно я тебе не скажу, меня там не было, но я слышал, что кто-то из перевертышей как-то обозвал дочку одного лешего, - Карт негромко хохотнул, видимо вспомнив, как именно ее оскорбили. - И понеслась... Дремучие сбежали со всех лесов, оборотни тоже своих позвали, да и другие в стороне не остались. В общем, знатная бойня, говорят, случилась. Чем только ни бились: в ход шли и лавки, и столы, и бутылки. В итоге отец этой лесной девки оторвал от стены вывеску и сломал ее о голову того оборотня, который ее обидел. На том все и закончилось. Вторую часть вывески так и не нашли, а первую прибили обратно. Только на ней осталась всего одна буква. С тех пор так она и называется - таверна «У».

- А, понятно, - хмыкнул Мрак. - Там только эти... Ну, в смысле, вход только для нежити?

- Нет, конечно. Вход только для тех, у кого в кармане звенят монетки. А люди это, упыри или домовые, - никого не интересует. Впрочем, люди почему-то предпочитают другие заведения и не особо стремятся там побывать. Кстати, у тебя как с деньгами?

– Есть немного, – ответил Мрак, нащупывая в кармане горстку монет, которые дали ему родители на первое время.

– Вот и отлично, – не скрывая своей радости, потер ладони Карт. – Это значит, что сегодня мы замечательно поужинаем.

– Давно пора, – кивнул Мрак и погладил свой живот, который давно уже напоминал о себе, издавая различные звуки.

– А вот, кстати, и таверна.

Карт на ходу махнул рукой в сторону огоньков, мелькающих среди деревьев, и ускорил шаг. Уже через несколько минут два путника стояли на небольшой полянке, освещенной огнями нескольких ярких костров, зажженных по ее периметру. В самом центре поляны высилось мрачное деревянное сооружение, скорее похожее на большой дом лесника, чем на увеселительное заведение. Стены таверны до уровня окон были покрыты густым слоем мха, ставни в большинстве своем отсутствовали, в крыше виднелись дыры, кое-как прикрытые кусками какой-то почерневшей от времени ткани. Если бы не свет, льющийся из окон, и не звуки буйного веселья, долетающие изнутри, можно было подумать, что это заведение уже свыкло со своей печальной судьбой, отдав свое деревянное тело на растерзание короедам и другим насекомым, но нет, оно еще жило и, судя по всему, не собиралось разваливаться. Живописный образ завершала криво прибитая над дверью табличка, на которой действительно было написано: «Таверна „У“». Правый ее край был неровно отломан, что подтверждало правдивость истории, которую рассказал Карт.

– Добро пожаловать в лучшую таверну на всей Плоской равнине, – шутливо опустил голову Карт в своеобразном поклоне и приглашающим жестом указал на дверь, пропуская парня вперед.

– Спасибо, – кивнул тот и, остановившись у входа, повернулся к вурдалаку. – Наверное, у тебя здесь много знакомых, да?

– Имеются.

– Тогда давай сразу договоримся, что о себе я буду рассказывать сам, без твоей помощи, и только если захочу? И о том, что я провалил экзамены в Школу

волшебства, тоже не стоит упоминать, договорились?

– Я – могила, – решительно кивнул Карт.

– Лучше и не скажешь, – хмыкнул Мрак и схватился за деревянную ручку двери.

Но открыть ее он не успел, так как в этот момент кто-то решил выйти из таверны подышать свежим воздухом и, видимо, следуя местным традициям, распахнул ее изнутри ударом ноги, отчего дверь больно стукнула Мрака прямо по лбу.

– Прошу прощения у достопочтимого юнца, чье чело пострадало от моего непреодолимого желания насладиться красотой звездного неба, – услышал Мрак, потирая ушибленное место и пытаясь разглядеть в темноте невнимательного посетителя таверны.

Выглядел посетитель не то чтобы необычно, но какая-то излишняя изысканность и даже манерность его движений приковывали к себе взгляд на гораздо большее время, чем это требовалось при виде незнакомого человека. Сложно было разглядеть, во что он был одет, так как все его худощавое тело до самых пят было закутано в темный плащ, а его голову венчала вычурная шляпа, каких не носили в этих краях уже лет двести.

– Хо-хо! Старина Оман!

Карт расплылся в улыбке и с распростертыми объятиями шагнул навстречу человеку.

– Карт-полутруп, ты ли это? – рассмеялся рассеянный посетитель таверны и слегка приобнял вурдалака, стараясь не выпачкать свой плащ в комьях земли, кое-где прилипших к одежде упыря. – Рад тебя видеть, мой друг, но, к сожалению, вынужден признать, что в данный момент я не смогу отдать тебе долг, так как сейчас на мели – все деньги я трачу лишь на поддержание жизни в своем брэнном теле.

Человек, которого Карт назвал Оманом, как-то картинно погрузился и опустил глаза в землю, но тут же неожиданно развел руки в стороны и подпрыгнул на месте.

– Но вот что я могу тебе рассказать, мой полуживой друг! Когда я наконец-то допишу свой роман и издам его, я стану богат, очень богат! Я раздам все свои долги, и, видит небо, ты будешь первым, к кому я приду со звенящим мешочком золота в кармане.

– Да-да... – кивнул Карт, пряча улыбку. – Кстати, как он там? Продвигается?

– Как и всё великое в этом мире, мой роман создается медленно, не быстро, не спеша, тщательно, основательно, монументально...

– Я понял, понял, – прервал поток синонимов Карт. – Ну что ж, Оман, я рад за тебя. С нетерпением буду ждать твою книгу.

– Кстати, кстати! – снова подпрыгнул на месте Оман. – Я рад поделиться с тобой прелюбопытнейшей новостью! Буквально сорок шесть дней назад Стрижгородское общество писателей в лице барона Книжберга торжественно пожаловало мне титул графа за заслуги перед мировой культурой! У меня даже грамота есть.

С этими словами Оман извлек откуда-то из складок своего плаща свиток, развернул и тут же ткнул его в лицо Карту.

– Выходит, что ты теперь... Граф Оман? – выглянул из-за свитка Карт.

– Единственный в своем роде, неповторимый и блистательный граф Оман к вашим услугам, – выдохнул писатель и слегка кивнул головой.

Пытаясь сдержать смех, Мрак, который все это время стоял за спиной свежеиспеченного графа, зашелся в долгом приступе искусственного кашля, чем тут же обратил на себя внимание Омана.

– О, я совсем забыл про юнца! – ловко свернув грамоту и снова спрятав ее в свое одеяние, произнес он. – Я надеюсь, что твой лоб не сильно пострадал? Запомни мои слова, юнец: пройдут годы и люди будут приходить в твой дом, умоляя показать тот самый лоб, который получил ранение от двери, которую открыл вот этой самой ногой автор самого великого романа всех времен!

– Уверен, что именно так и будет, – кивнул Мрак, – я уже чувствую, как на моем лбу набухает бессмертие.

– А этот парень мне нравится, – шепнул Оман Карту, – учтив, воспитан. Юнец, пожалуй, я окажу тебе честь и нареку одного из героев своего романа твоим именем. Назови же мне его.

– Благодарю, но не нужно, – буркнул Мрак и посмотрел на вурдалака. – Может, зайдем уже? Есть хочется очень.

– О, эти низменные инстинкты людей... – закатив глаза, покачал головой граф. – Разве еда может быть важнее бессмертного творчества? Ты слишком юн для понимания сути вещей этого мира, но я тебя не виню, ведь сам порой окунаюсь в пошлость мироздания и нуждаюсь в тарелке дымящейся похлебки и кружке пива.

Он мечтательно облизнулся и перевел тоскливый взгляд на Карту.

– Если бы я обладал хотя бы малой толикой моего будущего гонорара, для вас я бы устроил стол самыми изысканными блюдами, но в данный момент могу рассчитывать лишь на ваше милосердие к творцу прекрасного.

– Опять нет денег? – прищурился Карт.

– Увы...

Упырь подошел к Мраку и, схватив его за руку, оттащил в сторону. Отойдя от входа в таверну на десяток шагов, он заговорил так, чтобы его не услышал писатель, который застыл в скорбной позе, выражавшей всю несправедливость Вселенной.

– Мрак, если мы его не накормим, он от нас не отцепится. Он приставучий как клещ.

– А почему я должен кормить всяких умалишенных? К тому же я слышал, что он и тебе успел задолжать?

Карт тяжело вздохнул.

- Это творческая личность, понимаешь? С ним надо дружить, иначе он напридумывает о тебе столько всяких гадостей, что к тебе потом никто и на сто шагов не подойдет. С чем-чем, а с фантазией у него все в порядке.

- Тем более, - пожал плечами Мрак. - Еще я всяким сплетникам не подавал.

- Ты не знаешь, какой он злопамятный. Однажды ему отказал в помощи оборотень из Шершавого леса, так этот писака распустил о нем слух, что тот, мол, самолично вырезал и съел целую деревню. Обратня потом нашли и забили камнями, и никого не смутило, что он умел обращаться только в зайца. Мрак, нам предстоит долгий путь в Лёдсбург, и мне не хотелось бы, чтобы в каждой деревне нас встречали вилами только из-за того, что мы пожалели лишнюю монету на миску супа для этого горе-творца.

- Кстати, Карт, я слышал, что в округе в последнее время неспокойно, - как будто подтверждая слова вурдалака, как бы невзначай выкрикнул Оман. - Говорят, люди интересуются нежитью, и больше всего - полутрусами.

- Видишь? - округлил глаза Карт и толкнул Мрака в плечо.

- Ладно, ну его... - поежился Мрак. - С ним и впрямь лучше не ссориться.

- Ваше сиятельство, граф Оман, - повернувшись к своему знакомому, произнес Карт, - посоветовавшись с моим юным другом, мы решили, что просто обязаны пригласить вас разделить наш скромный ужин.

Оман тут же заметно повеселел и, подпрыгивая и пританцовывая, распахнул дверь в таверну, жестом приглашая путников внутрь.

- Сочту за честь, мои благородные друзья, сочту за честь, - произнес он, пропуская вперед Кarta и Мрака. Затем, гордо вскинув голову, шагнул вслед за ними.

Марта, поджав под себя ноги и крепко обхватив ладонями кружку с ароматным чаем, сидела на кухне у своей двоюродной бабушки и, раздумывая о чем-то, смотрела в окно. После разговора с ректором Кроем она не стала задерживаться в Лёдсбурге и на следующий день отправилась на юг. До конца лета оставалось всего два месяца, поэтому Марта решила не мешкать, а поскорее выполнить его задание, чтобы с началом учебного года вновь приступить к занятиям. Дома в первые несколько дней Марта только и делала, что спала, в перерывах между сном подкрепляясь бабушкиными вкусностями, которыми та баловала свою любимую внучку. Марта решила не рассказывать бабушке об истинной причине своего появления в деревне, сославшись на летние каникулы.

Вечерами они сидели на скамейке у ворот и, отмахиваясь от приставучих комаров, вспоминали те времена, когда Марта была еще совсем маленькой девочкой. Уже тогда начали проявляться ее бойцовские качества: она постоянно вступала в драки с соседскими мальчишками. Девочка росла без родителей, поэтому защищать себя училась с самого детства самостоятельно и весьма в этом преуспела.

– Бабуль, – отхлебнув из чашки, позвала она пышную старушку невысокого роста, которая сидела в кресле и, с легкой улыбкой на лице, вязала носочки для любимой внучки.

– А? – Бабушка отложила в сторону вязальные спицы и посмотрела на девушку. – Еще чаю налить? Так я сейчас...

– Да сиди, сиди, – улыбнулась Марта. – Я скоро лопну уже от твоих угощений.

– Еще чего! Посмотри, какая худышка! Вас совсем не кормят, что ли, в этой вашей школе?

– Кормят, бабуль, кормят.

Марта даже поморщилась, вспомнив меню школьной столовой. Будущих воинов кормили как на убой. Пища была сытной, но совсем невкусной. То ли дело еда, приготовленная бабушкой...

- Ты мне лучше скажи, а что сейчас в деревне с нежитью?

- А что с ними? - нахмурилась старушка.

- Ну... Заходят иногда или вообще здесь не появляются? Как ведут себя? Что люди говорят?

- Ой, - махнула рукой бабушка и снова взялась за спицы, - мы же с ними всегда мирно жили, чего нам с ними делить? А вот в Озерках, ну, помнишь, наверное, это соседнее село, как ехать по дороге в сторону водокачки, а на перекрестке...

- Да помню я Озерки, бабуль. Так что там случилось-то?

- В прошлом году, что ли... А может, и в позапрошлом, не припомню уже... В общем, влюбилась водяная девка в парня одного, да и утянула его на дно. Это уже потом узнали, что он ей сам проходу не давал - все выглядывал ее да выслеживал, вроде как даже замуж звал. А люди-то разбираться не приучены - вот и озлобились они тогда на нежить. По лесам, по полям, по озерам пошли их ловить да бесчинства всякие устраивать. Кто-то даже из Стрижгорода приезжал, чтобы побоища не допустить.

- Ну и чем закончилось? - нетерпеливо заерзала на стуле Марта.

- А ничем. В Озерках на въезде в деревню знак повесили запрещающий - и все. Знаешь, наверное? Сейчас решением общего собрания можно запретить нежити в деревнях появляться.

- Да, знаю, - кивнула Марта, - в Лёдсбурге уже давно этот запрет ввели.

- Так и у нас хотели после всей этой истории то же самое сделать, - вздохнула бабушка. - Мол, если вводить запреты, то всем деревням сразу.

- И что, ввели?

- Конечно, нет. А зачем со всеми ссориться из-за одного дурачка, который, считай, по собственному желанию утопился. От них же тоже польза есть.

- Какая еще польза? - вскинула брови Марта.

- Ну как? Рыбаки наши с водяным народом торгуют. Хлебушек, зерно на рыбу меняют. Обратней иногда на выпас коров нанимаем. Конечно, не все сговорчивые, есть и дикие. Но мы к ним не лезем, а они к нам не суются.

Марта поставила кружку на стол и, поднявшись со стула, подошла к окну.

- Прямо вот никто не вредит?

- Я же говорю, внучка, разные есть. Вот, к примеру, на Гнилом болоте поселилась болотная тварь. Года три уже там хозяйничает. Ты, наверное, их нравы знаешь - с этим народом договориться никак нельзя. Не только люди, но и сами неживые с тех пор это место гиблое стороной обходят. К ней в лапы попадешь - пиши пропало.

- Утащила уже кого-нибудь?

- А кто ж знает? - пожала плечами старушка. - Прошлым летом мельник наш пошел в лес грибы собирать, да так и не вернулся. Поди знай - куда он пропал? Может, и она к себе прибрала, а может, и нет. У нее же не спросишь.

- Ну почему же не спросишь? - вполголоса проговорила Марта, не отрывая взгляда от леса, ровной стеной возвышавшегося на краю деревни.

- Чего говоришь, внучка?

- Да ничего, бабуль, ничего, - улыбнулась девушка и обняла старушку. - Как же я рада, что к тебе приехала!

Бабушка засмушалась и, опустив взгляд, засмеялась почти беззвучным старческим смехом.

- Я уж думала, что и не увижу тебя больше, Марточка. Как уехала в свой Лёдсбург, так и пропала.

- Бабуль, я же тебе письма писала. Ты получала их?

- Да что эти письма? - махнула та рукой. - С письмами разве посидишь вот так на кухне? Чаю с ними разве попьешь? Что от них толку?

- Ладно, тогда не буду больше писать, - сдерживая улыбку, серьезно произнесла Марта.

- Я тебе дам - не буду. Я тебе дам!

Бабушка шутливо погрозила кулаком внучке и рассмеялась вслед за ней.

- Ты мне лучше расскажи, чему там тебя в школе этой учат?

- Разному... - уклончиво ответила Марта. - У нас много предметов есть.

- И нежить гробить тоже учат?

- А как же, бабуль, это же Школа воинов, да и факультет у меня так и называется - борьбы с нежитью.

Старушка вздохнула и покачала головой.

- Ну и зачем тебе это нужно, Марточка? Ты же девочка, пошла бы, как все, выучилась бы на лекаря, хоть человеческого, хоть животного. Людям бы помогала, зверушкам малым.

- А воины разве людям не помогают?

- А кто его знает? У нас их здесь отродясь не было. Жили мирно всю жизнь и еще столько же проживем. Что ж хорошего - убивать? А, внучка?

- Не убивать, а защищать, бабуль.

Взгляд Марты снова стал жестким и колючим. Отстранившись от бабушки, она села за стол, подперев рукой подбородок.

– Ты же сама говоришь, что не знаешь, что с мельником стало. А вдруг это и правда тварь с болота его утащила? А с отцом моим что случилось? Куда он пропал? Может, его тоже какой-нибудь оборотень загрыз.

После этих слов старушка снова тяжело вздохнула. Отца Марты она помнила смутно – с тех пор как она его видела в последний раз, прошло уже много лет. Дочь старушки – мать Марты – очень сильно тосковала по своему мужу, но найти его так и не смогла. Последние годы своей жизни она прожила в этом доме, с маленькой дочкой на руках. Бабушка видела, как та чахнет на глазах, не в силах смириться с исчезновением любимого человека, но сделать ничего не могла... Мужчину так и не нашли, поэтому версия Марты звучала правдоподобно и вполне оправдывала ее эмоции по отношению к нежити.

– Вы здесь привыкли с ними рядом жить, вот и не замечаете, сколько людей от их рук гибнет, – резко взмахнула рукой девушка, чуть не опрокинув со стола кружку.

– Так и люди же тоже в долгу не остаются, – заметила старушка. – Мне один пастух из оборотней рассказывал, что и у них тоже кое-кто иногда пропадает. А кто за этим стоит – поди разбери.

– Да друг друга грызут, наверное, а потом все на людей сваливают. Что тут думать?

– А кто его знает, Марточка... Может, оно и так, а может, и по-другому. Среди людей тоже темных душ хватает. А у некоторых она чернее ворона. Вот я и переживаю за тебя. Не хочу, чтобы ты такой стала.

– Не стану, бабуль, – улыбнулась Марта. – У тебя чай волшебный. Когда его пьешь, сразу обо всем плохом забываешь и только добрые мысли в голову приходят. Нальешь еще?

– Ой, лиса... – рассмеялась старушка, поднимаясь из кресла. – Конечно, налью, да и сама с тобой выпью.

Вечером Марта крепко уснула. Ее бабушка, рассудив, что здоровый сон лучше хорошего ужина, решила не будить внучку и сама легла спать. Когда в доме послышалось ее ровное дыхание, Марта открыла глаза и, накинув на плечи свой школьный плащ, бесшумной тенью скользнула на улицу. Уже через несколько минут она оказалась на опушке леса, который подпирал своей темной массой крайние дома деревни, как будто давая понять этим глупым людям, что там, где начинается он, им делать нечего, особенно ночью, когда он выглядел намного мрачнее и опаснее, чем днем.

Марта остановилась у дерева и принялась вглядываться в темноту, напрягая зрение и слух. Любой человек, оказавшийся ночью в лесу, непременно чувствует на себе пристальный взгляд чьих-то глаз и ощущает чье-то незримое присутствие. И в этом нет ничего удивительного. Лес с древнейших времен был пристанищем самых разнообразных существ. И если некоторых из них можно увидеть глазами, то других можно лишь почувствовать. Последние, как правило, не могут причинить вред человеку, но они никогда не упустят возможности понаблюдать за ним, рассмотреть и изучить. К первым же, кроме обычных зверей и птиц, относятся и те, кого люди пренебрежительно называют нежитью. И встреча с ними не всегда оказывается безопасной. В этих местах люди научились сосуществовать с ними, стараясь не причинять друг другу неудобств, но все же предпочитая лишний раз с ними не встречаться. Особенно с такими, о которых сегодня рассказывала бабушка Марты. История о твари, поселившейся на болоте, очень заинтересовала девушку, – ведь именно за одной из них она и вернулась в деревню. Между тем время шло, и с каждым днем возможность ее дальнейшего обучения в Школе воинов становилась все более призрачной. Болотная тварь была очень коварным и сильным соперником, а учитывая, что по условию ее договора с ректором Кроем нежить должна быть доставлена в Лёдсбург живой, шансы поймать и доставить такого опасного врага в целостности и сохранности стремились к нулю. Но Марта привыкла быть всегда и во всем лучшей, поэтому она решила рискнуть. Она приведет Крою не какого-нибудь злыдня-доходягу, а настоящую грозу болот, страх и ужас топких и гиблых мест.

От опушки леса до Гнилого болота можно было добраться меньше чем за час, но Марта была не настолько глупа, чтобы сунуться в лапы монстра, не подготовившись и тщательно не продумав план. Впрочем, во время обучения в Школе она, в отличие от некоторых, не просто протирала штаны, а впитывала в себя всю информацию, как губка. Поэтому с тактикой борьбы с болотной нежитью она была знакома не понаслышке.

– Завтра, – шепнула она в темноту, – завтра мы с тобой увидимся.

Бесшумная тень отделилась от дерева и скользнула в сторону дома. Сегодня ей нужно было хорошо выспаться.

6

Как только Мрак переступил порог таверны, в ноздри ему тут же ударил тяжелый запах, который всегда присутствует в местах, где одновременно пьют, курят и едят несколько десятков человек. В данном случае далеко не всех присутствующих можно было назвать людьми. В дальнем углу зала, прямо на столе, под жидкие аплодисменты своих друзей вытанцовывал, а точнее сказать – совершал движения, похожие на танец, довольно упитанный злыдень. Окружающие смеялись и хлопали кто во что мог – не у всех зрителей руки заканчивались человеческими ладонями. Водяной, расположившийся за соседним столом, бил себя по животу неким подобием ласт, увенчанных длинными когтями, и хохотал каким-то булькающим смехом, не забывая периодически выливать себе на голову кружку воды, которую ему подавал услужливый гном-разносчик. На одном из подоконников вальяжно развалился домовой. Неодобрительно покачивая головой, он пытался читать какую-то потрепанную книгу, которую держал в руках, но царивший в таверне шум постоянно его отвлекал, заставляя морщиться и мысленно проклинать всех присутствующих. За стойкой флегматично протирал стаканы молодой двоедушник, видимо уже привыкший к подобным концертам и никак на них не реагирующий. Мрак сразу догадался, что это именно он, а не кто-то другой, так как даже от порога было видно, что, когда одна половина его лица улыбалась, вторая половина сохраняла дикое и даже в какой-то степени безумное выражение. Даже в обществе нежити этих существ обычно недолюбливают за то, что никогда не поймешь – что у него на уме. Тем не менее этот двоедушник вполне мирно сосуществовал со всеми посетителями, разливая в стаканы напитки и поглядывая в зал разными глазами.

Помимо тех посетителей, которых Мрак узнал, за столами сидели и другие, о которых он никогда не слышал. Впрочем, эту разношерстную компанию разбавляло несколько обычных людей, которые не выказывали никакого беспокойства, а совсем наоборот – мирно беседовали с нежитью, смеялись и

даже о чем-то с ними спорили.

– Дверь прикрой, парень! – широко зевнув, выкрикнул двоедушник и тут же потерял интерес к очередному посетителю.

Мрак только сейчас заметил, что Карт и Оман уже пробирались к свободному столу, оставив его одного у порога. Захлопнув за собой дверь, парень двинулся за ними, но тут же замер на месте, так как откуда-то сбоку раздался леденящий душу рык. Мрак медленно повернул голову и нервно сглотнул слюну. На полу, облокотившись о стену, сидел оборотень и буравил нового посетителя чуть светящимися глазами. Голова перевертыша была бычьей, как и верхняя левая конечность, заканчивающаяся массивным копытом. В правой руке он сжимал кружку, наполовину наполненную какой-то жидкостью. Судя по всему, именно она и послужила причиной его необычного внешнего вида – оборотень был изрядно пьян, а пьяные оборотни абсолютно не умеют контролировать свое состояние. Они вполне могут обернуться только наполовину и расхаживать так, еще больше пугая и без того перепуганных встречных.

– Ты стоишь на моем хвосте, Рекс, – невнятно промычал он.

– Простите, – парень тут же убрал ногу с черного хвоста, заканчивающегося симпатичной кисточкой, – только я не Рекс, я Мрак.

– Драк? Да, Рекс, ты прав... В нашем заведении давно не было драк, – не расслышав слов парня, продолжил он. – Если бы ты не был оборотнем, я бы обязательно вскрыл твой бок своим рогом, предложив выбрать левый или правый, но ты оборотень. Мы с тобой братья, Рекс!

Полубык попытался привстать, чтобы обнять Мрака в приступе нахлынувших чувств, но ничего не вышло.

– Когда ты был еще вот таким щенком, – он приподнял левое копыто над полом, показывая рост, – я знал, что из тебя выйдет толк... Ты помнишь, как мы гоняли волков по западным лесам? Славное было время... Сейчас я уже не тот, что был раньше, а во всем виноват кто? Да никто! Просто я стал старым.

Глаза оборотня налились кровью, и он, размахнувшись, бросил кружку на пол, отчего та разлетелась вдребезги.

– Я запишу на твой счет, Брык, – равнодушно сообщил двоедушник из-за стойки.

– Запиши, запиши, – хмыкнул перевертыш, – а еще запиши, что Брык покажет всем, кто он такой! Брык покажет... всем... кто...

Глаза полубыка закрылись, и он уснул так же внезапно, как и начал свой монолог. Мрак решил не терять времени и, воспользовавшись удобным моментом, направился к своим знакомым, которые уже расположились за свободным столом.

– Уже с кем-то познакомился? – хмыкнул Карт.

– Можно и так сказать. Оборотень перепутал меня со своим знакомым.

– А, Брык? – махнул рукой Оман. – Этот мужлан пасет деревенское стадо и получает неплохие деньги, которые пропивает здесь. Вот скажи мне, юнец, разве это справедливо, когда пастух может позволить себе то, о чем может только мечтать творец, гений, создатель прекрасного?

– А какая польза от этого творца? – спросил Мрак, делая вид, что не понимает, о ком идет речь, и тут же получил от Карта чувствительный пинок под столом.

– О, эта юношеская простота, – покачал головой граф. – Коров пасти может кто угодно, а вот написать книгу дано лишь избранным. Можно даже злыдня научить танцевать, но творить ты не научишь никого. Это дар, понимаешь? Вот ты чем занимаешься, юнец?

– Меня зовут Мрак, – сквозь сжатые зубы процедил парень. – Называй меня так.

– Хорошо, – кивнул писатель, – так чем ты занимаешься, Мрак?

– Да он пытался поступить...

Карт не успел договорить, потому что Мрак молниеносным движением протянул руку и вытащил из головы вурдалака затычку, крепко сжав ее в руке.

– Мы же с тобой договаривались, Карт, – нахмурившись произнес он. – О себе я расскажу сам, если пожелаю.

– Э... О чем мы говорили? – упырь окинул собеседников непонимающим взглядом, одновременно ощупывая свою макушку. – Кстати, никто не видел здесь затычку? Такую деревянную.

С этими словами он полез под стол, пытаясь нащупать на грязном полу свою пропавшую запчасть. Оман, наблюдая за этой сценой, удивленно вытаращил глаза.

– Потрясающе! Я обязательно опишу эту сцену в своей книге! Это находка!

– Это пропажа! – слышался из-под стола глухой голос Карта. – Небольшая такая затычка... Поднимите ноги.

– Какая сцена... Просто великолепно!

– Не больше пальца, деревянная.

– Да вот твоя затычка, – не выдержал Мрак, – вылезай из-под стола и давай уже что-нибудь закажем? Я хочу есть, а не смотреть твои выступления.

Вурдалак вылез из-под стола и, аккуратно вставив протянутую затычку на место, посмотрел на Мрака.

– Предлагаю что-нибудь заказать.

– Мы просто обязаны отметить рождение новой главы моего великолепного романа, – кивнул писатель.

Мрак хотел было ответить что-то резкое, но лишь махнул рукой, тем более что к их столу наконец-то подошел разносчик.

– Есть варево на первое, жарено на второе. Из напитков: пиво, молоко, – произнес он с диким заграничным акцентом.

– Жарево овощное? – спросил Оман.

– Сегодня мясное.

Оман скривился и даже вздрогнул. Мрак, заметив это, быстро принял решение, что сегодня обойдется без второго.

– А варево?

– Свекла, морковь, тесто.

– Три варева и три молока, – решил Мрак.

– Я бы выпил пива, – мечтательно протянул граф.

– За свой счет.

– Ох уж эта юношеская...

Оман хотел было разразиться очередной речью, наполненной сравнениями и преувеличениями, но, заметив на себе взгляд Мрака, тут же замолчал. Гном, приняв заказ, направился на кухню.

– Что не так с жаревом? – поинтересовался Мрак, все еще сомневаясь, хочет ли он услышать ответ.

– Дохлый лось. Три дня пролежал на солнце, а потом...

– Понятно, не продолжай.

Пока Карт с Оманоm беседовали о всякой ерунде и обсуждали кулинарный талант местного повара, Мрак снова погрузился в размышления. В силу своего характера он тяжело переносил продолжительное общение с кем бы то ни было и совсем по-другому представлял путь в Лёдсбург. Если одного болтливого вурдалака он еще мог вынести, то все эти пьяные полубыки, напыщенные графы и танцующая на столах нежить выводили Мрака из себя. К тому же очередное

напоминание о сегодняшней неудаче на экзамене снова испортило его и так не слишком бодрое настроение. В голове даже мелькнула мысль: «Может быть, не так уж все и плохо? Может, лучше, пока не поздно, вернуться домой, и будь что будет?» Но в этот момент на его плечо легла чья-то тяжелая рука. Мрак обернулся. За его спиной, слегка покачиваясь, стоял Брык.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/ru/evgeniy-cheshirko/mrachnaya-istoriya>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)